

Вячеслав Кумин

**Адам. Метро 2033.
Новосибирск**

Вячеслав Кумин

Адам. Метро 2033. Новосибирск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6000950

Аннотация

Он – Ангел смерти, Чистильщик, Убийца...

Он защищает свой новый дом – Академгород, самое большое и хорошо организованное объединение станций подземки, от внутренних и внешних врагов, потому что его старый дом захвачен и у него не осталось там никого чтобы туда возвращаться.

Он без страха и упрека уничтожает всех, кто хоть как-то может посягнуть на последний оплот всего того человеческого, что осталось в человечестве заточенного под землей.

Но...

«Уважаемые читатели, имейте в виду, что романы «Адам. Метро 2033. Новосибирск» и «Адам. Братский анклав» не являются серией, это независимые книги, на одну тему, со схожим содержанием, переработанные для любителей фанфиков к «Метро 2033» и независимой постапокалиптике соответственно. И если вы прочитали одну из них, то вторую можете не брать».

Вячеслав Кумин

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	10
3	18
4	26
5	29
6	38
7	46
8	53
9	59
10	67
11	74
12	81
13	86
14	94
15	99
16	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Вячеслав Кумин
Адам. Метро 2033.
Новосибирск
Его зовут – Адам.

Часть первая
Крутой поворот

1

– Вставай соня...

Теплый голос матери и легкое теребление за плечо разбудили Адама.

– Вставай, а то проспишь завтрак.

– Сколько уже?

– Половина восьмого.

Адам нехотя откинул старое в заплатках клетчатое черно-зеленое одеяло и сел по-турецки, упершись затылком в скат тяжелой брезентовой палатки, служившей его семье квартирой.

– Действительно, заспался... Так и на работу опоздать можно.

– Вот и я про что.

Начался новый серый день, ничем не отличающийся от тысяч тех, что канули в лету и многих тысяч тех, что придут им на смену.

«Но может это и к лучшему, – думала рациональная половина Адама. – Бойся желаний своих, ибо они имеют склонность исполняться, но не совсем так, как ты этого хочешь. Разнообразие обстановки как правило не ведет ни к чему хорошему и как бы плохо ни было, становится еще хуже».

Как бы там ни было, но существование, именно существование, однообразное, унылое, серое, в замкнутом пространстве небольшой окраинной станции Новогодняя, праздничное название которой довлела над людьми словно насмешка, убивало душу, и она как любая другая душа молодого человека, проходя этап максимализма, требовала перемен. Хоть каких-то, чтобы разорвать это сводящий с ума замкнутый круг уныния.

– Умойся...

Мать подала небольшой пластмассовый тазик красного цвета. Адам поставил его себе на колени и сложил руки лодочкой. В ладони тут же полилась холодная вода из стальной кружки. Адам всполоснул лицо и почувствовал, как улетучились последние остатки сна, но гнетущее ощущение никуда не делось, даже наоборот проявилось еще явственнее.

Впрочем, оно поселилось давно и навсегда, не только в нем, но и у всех обитателей не только этой станции, но и всего новосибирского метрополитена. Это Адам прекрасно понимал, но пока не научился игнорировать его, как некоторые, и потому до боли сжимал зубы, когда волна особенно острой меланхолии накатывала на него, накрывая, что называется с головой.

Тем удивительное было понимание и осознания неправильности, потому что он родился уже под землей, вырос на станции и никогда вживую не видел неба, не ощущал жаркого касания Солнца, не видел мерцающих зовущих звезд Млечного Пути и Луны, всей красоты природы до Катастрофы. Он знал об этом только лишь по фильмам и картинкам, но как видимо этого хватало с лихвой, чтобы болеть.

От сего тяжелого недуга под названием Знание полностью избавлены только умалишенные. Только они не замечали неправильность окружающего их мира и принимали все как само собой разумеющееся, будто так все и должно быть. Адам им даже в какой-то степени завидовал. Наверное, это действительно хорошо жить, не зная, что будущего нет. Не зная, что все они давно обречены...

Сколько времени им еще отмерено? Метро как ни смотри всего лишь метро. Оно не предназначено для бесконечно долгой защиты людей от внешнего мира. Но беда в том, что выбраться из него некуда, а внешняя агрессивная среда день за днем все сильнее проникает внутрь.

...А те, кто знает, далеко не всегда выдерживали эту ношу тяжкого знания. И так же пытались убежать от реальности, уйти в легкий и светлый мир сумасшедших искусственным путем, до невменяемости надираясь дешевой брагой или докуриваясь до зеленых чертиков, тем самым становясь презируемым отбросом общества.

Кто-то чтобы не быть презируемым всеми и не желая мучиться, уходили от станции по тоннелю, и просто стрелялись или вешались, отдавая свои тела на корм крысам.

– Спасибо.

Мать открыла крышку небольшой чугунной сковородки, и палатку наполнил аппетитный аромат свиного жаркого, бобов и грибов.

– Вкусно... – сказал он, чуть повеселев от сытного завтрака Новые специи?

– Да, – улыбнулась мать.

И от этой улыбки Адаму стало еще хуже, чем было до еды. Мать за последний год сдала особенно сильно. Под глазами пролегли темные круги, бледная кожа вот уже сколько лет не видевшей солнца осунулась и избороздилась морщинами, что с годами становились все длиннее и глубже.

Причиной ухудшения явно стало загадочное исчезновение отца. Вот вроде был человек, и вдруг не стало. Он ходил с караванами торговцев меняя произведенную на Новогодней продукцию на товары с других станций. Шли по знакомому и вроде безопасному сотни раз пройденному маршруту, но

как рассказывали остальные члены группы, на одном из перегонов им стало плохо. Ни с того ни с сего начались галлюцинации, у кого-то даже случились эпилептические припадки, а когда отпустило, то выяснилось, что двух членов группы не хватает: отца и еще одного человека. Исчезли, будто и не было. Никаких следов, ни борьбы, ни крови, товар цел...

Осознавать это было тяжелее, чем если видеть постепенную кончину человека, вследствие деградации от той же браги или наркотиков, даже осознание того что близкий человек покончил с собой удавившись в петле или всадив пулю в голову, происходит легче, чем такое вот бесследное исчезновение здорового человека.

Что ж, это был не первый и не последний случай исчезновения людей. Чьих это рук, оставалось только гадать. Приходили ли за ними мутанты «психи» способные подавлять психику жертв, как утверждало большинство или случалось что-то еще, было неизвестно.

Кто-то по этому поводу на запоздавших поминках, когда пропавших, в конце концов, признали погибшими, сказал, что уходят лучшие. А смерть лучших это всегда трагедия и уже не только для семьи, а для всего общества.

Адам, отогнав все тяжелые мысли, запрятав их в дальний уголок сознания, заторопился на работу, будто стараясь убежать от них еще дальше. Может, так оно и было.

– Ну, все мам, мне пора.

– Давай... – кивнула она и принялась за домашние дела:

прибираться и мыть посуду.

2

Адам поспешил на ферму располагавшуюся в тоннелях по обе стороны от платформы почти до самых постов охраняющих станцию. Справа от путей располагалась длинная грядка с различными овощами, в основном репой, луком, бобами и всем тем, что ученым из Академгорода в кратчайшие сроки сразу после Катастрофы удалось модифицировать различные культуры к росту с недостаточным освещением.

Говорили, что все это вообще-то разрабатывали для долговременных космических полетов на Марс к Венере и для будущих лунных баз, чтобы не возить продовольствие с Земли. Но космос накрылся медным тазом, а сами космические технологии генной инженерии помогали теперь выживать человечеству под землей.

Слева стояли длинные стеллажи с самодельными проводочными клетками с курицами внутри. На станции Новогодняя выращивали курятину, точнее говоря от кур получали яйца что и являлось главным экспортным продуктом Новогодней. На яйца выменивали ту самую свинину которой он завтракал, грибы, и прочие необходимые для жизни вещи с других станций. А собственно курятина на столах появлялась только когда кура переставала нестись от старости или по каким другим причинам и ее понятное дело забивали.

– Здорово, Адам, – приветственно махнул приятель рукой

с зажатым в кулаке скребком и налипшим на нем куриным пометом.

– Здорово Радар, – поздоровался Адам с Федором Липецким прозванного так сверстниками из-за торчащих ушей. Впрочем, он на это не обижался. – Потише граблями маши, а то заляпаешь всего. Вон как летит во все стороны... Я только пришел и с самого утра ходить в говне у меня нет никакого желания.

– Неженка. Ребро еще цело?

– В смысле?

– Ну проповедники говорят что Бог создал Еву из ребра Адама...

– Да иди ты...

Адам отмахнулся от приятеля, но тем не менее украдкой взгляделся в тоннель в поиске девушки. Правда звали ее не Ева, а очень странным именем Мальвина. Впрочем, это легко объяснялось цветом ее волос...

«Наверное еще не пришла», – подумал он.

– Она еще не пришла, – подтвердил Радар.

Адам был далек от того чтобы думать, будто Федор умеет читать мысли, просто ему не понравились, что его так легко раскусить.

Но Мальвина ему действительно нравилась, несмотря на то, что выглядела блеклее остальных и... этот синеватый цвет волос. Но было в ней что-то такое притягательное. Да и со временем она становилась все симпатичнее, как в сказке,

из гадкого утенка с годами превращалась в лебедя.

Из-за странного цвета волос ее не брали в компании другие девочки, обидно называя мутантом. Хотя кроме волос и излишней бледности не было ничего такого, чтобы называть ее мутантом. Хотя поговаривали, что она родилась от сталкера пробывшего наверху слишком долго и там где ходить не следовало...

Мальвину из-за этих синеватых волос даже хотели сначала как прочих мутантов родившихся с совсем уж очевидными патологиями вроде третьей руки, ноги, уродства лица, излишней волосатости, каких-то костных наростов и так далее и тому подобное, удавить, но мать отстояла. Удавить никогда не поздно... И правда, ну подумаешь синенькие волосы, в остальном то она в полном порядке.

– А ты с синенькой уже того... – в который уже раз допытывался Радар.

– Чего?

– Ну я говорю, ты с Му-м-мальвиной уже того, этого самого?

– В рожу дам и уши оборву, – без тени улыбки пообещал Адам.

– Молчу-молчу...

Нет, так далеко у него с Мальвиной не дошло. Хотя конечно, ему как и любому другому нормальному парню этого хотелось. Но, во-первых, как-то уж очень невнятно у них складывались отношения, можно даже сказать боязливо, а

во-вторых, как тут уединиться у всех на виду? Не «скрываюсь» в своей палатке это можно сделать только после свадьбы, а до – нужно как-то изворачиваться. Тем более мамаша Мальвины ее далеко от себя не отпускала, да и мать Адама была похоже против их отношений.

Так и переглядывались, перебрасывались ничего незначащими фразами, да во время кинопросмотров садились поближе друг к другу. Просто сидели и им было хорошо друг с другом даже без слов, собственно даже говорить ни о чем не хотелось. Они понимали друг друга без слов...

Хотя с другими девчонками можно было довольно свободно по быстрому перепихнуться где-нибудь в темном уголке, особенно если кто-то покараулит на стреме. А вот с ней сразу чувствовалось, такой номер не прокатит, с ней только всерьез, как говорится со штампом в паспорте, а до – ни-ни. Да и ничего не значащий быстрый секс в темной подворотне уже не приносил удовлетворения, даже наоборот, оставляло ощущение замаранности.

Отметившись в журнале прихода-ухода, отметки о прибытии Мальвины действительно не было, взялся за нехитрую работу по уходу за домашней птицей. Требовалось регулярно проверять, не снесла ли курица яйцо и в положительном случае забирать его и складировать в холодном углу в специальных ящичках, так оно дольше сохранится, нежели курица ведомая инстинктом будет его высиживать, согревая своим теплом.

Потом нужно следить за состоянием поилок, кормушек и по мере необходимости подливать воду и подсыпать еды с мелкими камешками. Ну и счищать помет с поддона изрядно накопившийся за ночь и далее появляющийся днем, чем собственно и занимался Радар, но скоро наступит его очередь.

Кроме того время от времени какая-нибудь курица каким-то чудом выбиралась из клетки и начинала гулять, того гляди совсем убежит, став обедом для крысы-мутанта. Беглянку естественно требовалось изловить и затворить обратно, чтобы этих монтекристо в перьях не вычли из зарплаты.

Бывало приходили крысы, поодиночке или мелкими группами. Их отстреливала из рогаток молодежь. Ну а если нападала достаточно крупная стая, то для этого всегда наготове имелся дробовик и пара охотничьих двустволок.

– А-а! – вскрикнул Адам и выдернул палец из клетки.

– Что случилось?! – подбежал к нему Федор.

– Курица за палец укусила! До крови!

В качестве подтверждения Адам продемонстрировал окровавленный палец. Кровь медленно сочилась из порезов.

– Ни фиги себе... Но может ты о проволоку поцарапался?

– Да нет же! Говорю тебе, она зубастая!

– Не может быть!

На шум подошли старшие. Узнали что за шум-гам, внимательно осмотрели рану. Кусачую кудахчущую и недовольно хлопающую крыльями курицу вытащили из клетки и при-

стально рассмотрели ее клюв.

– Действительно зубастая, – констатировал бригадир смены Юрий Михайлович.

Среди собравшихся работников пробежал шорох изумленных шепотков.

– Курица мутант!

– Мн-да, дела... – проронил бригадир и засунул мутантную курицу обратно в клетку, где она тут же снесла яйцо.

– Вы ее оставите тут? – удивился Адам.

– А что с ней делать?

– Но она же мутант! Монстр!

– Ну и что? Яйца-то она несет.

– Несет... – тупо кивнул Адам.

– Ну вот, а больше нам от нее ничего и не надо, – кивнул Юрий Михайлович. – Яйца они яйца и есть. Не излучают ведь... И вообще ребята, что в этом такого? Ну подумаешь зубы у курицы появились... Если вспомнить кем были предками у птиц, так я лично в этом ничего удивительного не вижу.

Подбежала с аптечкой Мальвина, и обеззаразив рану йодом, принялась перебинтовывать Адаму палец чистым лоскутком тряпочки из-за ветхости переведенной в разряд бинтов.

«И когда она только появилась? – недоуменно подумал Адам, снова почувствовав как хорошо ему рядом с ней. – Ради этого можно по десять раз на дню раниться. Надо бы

запомнить эту курицу...»

– Спасибо...

Мальвина улыбнувшись под строгим взглядом своей матери, всегда работавшей с ней в одной смене, убежала обратно.

– А кем были их предки Юрий Михайлович? – заинтригованно спросил Федор.

– Динозаврами.

– Это такие доисторические монстры?!

– Да. Недавно как раз про них фильм показывали. «Парк юрского периода», называется.

– И курицы их потомки?!

– Именно.

– Обалдеть... Нет, не верю! Это шутка такая да?! Вы нас разыгрываете?!

– Нет не разыгрываю. Это доказали ученые еще до Катастрофы, – серьезно сказал бригадир. – Если есть эволюция, то почему бы не запуститься процессу инволюции?

Федор еще раз с интересом взглянул на зубастую курицу.

– А ведь у нее даже перья меньше... и ноги более чешуйчатые...

– Да ребятки, похоже круг эволюции действительно замыкается... На смену динозаврам в конечном итоге пришли люди. Кстати тоже говорят после великого катаклизма исчезнувшие, только космического, метеорит упал, и вот уже после катаклизма рукотворного динозавры снова возвраща-

ются из исторического небытия. Говорят кстати, что на поверхности уже птеродакли летают. Раньше считал, что брехня полная, но сейчас я не стал бы утверждать это столь категорично. Более того уже откровенно склонен верить подобным рассказам, – тихо добавил бригадир, кивнув на клетку с зубастой курицей сидящей в своем гнезде как ни в чем ни бывало и с интересом поглядывая на людей то одним, то другим глазом на свой птичий (птичий ли?) манер.

Друзья согласно кивнули. После такого доказательства можно поверить не только в летающих птеродаклей но и в ожившего, точнее возродившегося тираннозавра Рекса.

– Бр-р-р...

– Я представляю, как будет в скором времени выглядеть наша куриная ферма, – усмехнулся Адам.

– Да уж, веселого мало, – тоже улыбнулся бригадир. – Клетки с маленькими динозаврами несущих яйца. Это действительно та еще будет картинка!

– А уж как у них яйца тогда будут забирать! – хохотнул Федор. – Все пальцы пооткусают к чертям! Я уже боюсь к ним руки совать... так ведь действительно без пальца не долго остаться. Нужно срочно кольчужную перчатку делать. Без не я больше туда руку не суну.

– Ну, к этому времени наверняка сделают настоящую линию с автоматическим забором яиц. А с перчаткой это ты верно подметил. Сделаем.

3

Ажиотаж вокруг курицы спал и скучная работа продолжилась. Правда на этот раз она была не такой уж скучной. Любое движение курицы головой провоцировало немедленное одергивание руки. Впрочем, к концу смены все вошло в привычную скучную колею. Курицы больше никого не кусали, даже зубастая.

Адам стал подумывать чем заняться по окончании смены. Делать действительно нечего. Из всех развлечений только книги перечитанные по три-четыре раза, да фильмы, показываемые раз в день, в смысле вечером на большом ЖК-экране с диагональю полтора метра. На этом телевизоре уже местами засвеченном или наоборот затемненном из-за неполадок, когда-то транслировали рекламу. Осталось таких экранов по всему метрополитену немного и даже такие ЖК-экраны с дефектами как на Новогодней, являлись настоящей ценностью станций. А посему работали они крайне редко. Берегли ресурс до последнего.

Но потом еще не факт что показываемый фильм он еще не видел или понравится. Такое случалось довольно часто. Многим не нравились ужасы, постапокалипсис, о мертвяках и тому подобном... даже о войне смотрели с неохотой, потому что война и ужас вокруг них. Над ними...

Большой популярностью пользовались комедии, любов-

ные истории, просто документалистика.

Да и то не всегда. Нелегко смотреть о том что было, как жили люди раньше, на чистой и безопасной планете и как им приходится существовать сейчас, в этой вечной грязи из которой носа не выказать. Это, мягко говоря не очень-то воодушевляло – душу рвало.

«Может потому на станции так много пьющих и нарков? – подумалось Адаму. – Может тогда вообще лучше запретить показы? Или они тоже стали своеобразным наркотиком, без которого не прожить? Знают что будет плохо, но и не смотреть невозможно».

Случалось впрочем, что на Новогоднюю заглядывала странствующая труппа артистов. Но их представления Адаму совсем уж не нравились. Не понимал он этого искусства. А вот тот же Федор очень даже обожал. Просвещенный.

Ну и последнее развлечение – байки и новости передаваемые из уст в уста, так что вскоре новости прошедшие через пятые-шестые руки и обросшие дополнительными подробностями переходили в разряд баек особенно если они изначально были невероятными по своей сути.

Чтобы окончательно не свихнуться люди обзаводились различными хобби. Кто-то что-то мастерил из никому ненужного хлама, кто-то лепил скульптуры из глины и так далее и тому подобное.

Приятели налегли на работу, а то курицы словно задались целью им эту работу подвалить, начали активно гадить,

нести яйца и опустошать поилки с кормушками.

– Слышал, у доваторцев опять что-то беспокойно... – доверительным шепотом сказал Федор покосившись на взрослых, когда образовалось свободное от работы время.

– Нет, а чего там? – без особого интереса поинтересовался Адам.

И сам себе удивился, своей полной апатичности, наверняка тревожным вестям. Ведь известно, что если в одном месте аукнется, то в другом обязательно откликнется. У серьезно-го конфликта есть нехорошее свойство разрастаться, втягивая в себя все новых участников.

– Хотят подмять под себя чкаловцев.

– Понятно. Хотят прихватить себе еще один узел и выйти на Первомайскую линию.

– Именно, – кивнул Радар.

– Нам это не страшно, – отмахнулся Адам. – Где они и где мы. Лишь бы на наших соседей Камышенских не напали.

– Это – да, – согласился Федор. – Мигом перекроют нам кислород. А у нас даже никаких дополнительных ходов нет. Только по основной линии и можем общаться с другими.

В свое время, когда стало окончательно ясно что наверху – смерть и все они заточены под землей на очень долгое время, люди начали обживать, стали складываться рыночные отношения, станции становились специализированными центрами по производству, ремонту или добыче полезных для жизнеобеспечения и хозяйства предметов, продук-

тов, ресурсов, руководители станций начали искать обходные пути доставки своего экспортного товара, минуя жадных соседей.

Ведь не всегда это было возможно сделать по основным линиям. Каждая станция стала государством-полисом с феодальным уклоном и за провоз товара приходилось платить немаленькую пошлину за иначе грозили заблокировать пути. Из-за этого сразу же вспыхнули первые конфликты. Те кто не мог или не хотел воевать пошли другим путем и стали прокладывать собственные тоннели к ближайшим станциям соседних веток Метро.

Так например со станции Станиславской на Ленинской линии тоннель протянулся к станции Ватутина на Кировской линии. А от Ватутина к Студенческой и Спортивной на ту же Ленинскую линию, все для того чтобы обойти Площадь Маркса – узловую станцию этих двух линий, и так далее. Вскоре появилась многочисленная и запутанная сеть малых тоннелей продолжающая расширяться с каждым годом вбирая в себя все новые и новые станции.

Руководители станций поощряли народ на подобные трудовые подвиги. В конце концов людей всегда нужно чем-то занять и желательно работой потяжелее, чтобы они возвращались на карачках и сразу же отрубались до начала новой смены. Иначе от безделья люди становятся злыми, неуправляемыми и любая искра недовольства может перерасти в бессмысленную по своей жестокости свару. А тяжелой рабо-

той все это хорошо гасится еще в зародыше.

Но со станции Новогодняя никаких таких ходов не прокладывали. Людей было мало и все при деле. К тому же с соседями всегда складывались нормальные отношения и необходимости в дополнительном ходе никогда не возникало. Да и далеко тянуть, станция уж больно отдаленная и к тому же обрезана реками. Прокладывать самодельный тоннель под рекой Иня не говоря уже об Оби смерти подобно. Стоит только немного ошибиться в расчетах, произойти хотя бы небольшому прорыву и все затопит.

К тому же дополнительный ход это не только благо но и источник опасности, не только тем что по нему могут проникнуть враги. Людей легко остановить, небольшим взрывом обрушив свод. Ведь эти зачастую плохо вентилируемые, сырые из-за проступающей сверху воды ходы тут же обживались всякими тварями вроде крыс, пауков, тараканов, грибов, плесени и слизней... зачастую мутировавшими. От всего этого требуется регулярно избавляться, а не то жди беды в виде какой-нибудь заразной эпидемии. Такое уже случилось...

– И зачем им это только нужно? – недоумевал Радар.

– Да кто их знает? Может моча в голову ударила? Мало ли что? Может у них там свой Наполеон завелся решивший захватить все Метро.

– Ну это вряд ли... в том смысле что это вряд ли кому-то удастся.

– Как знать. По крайней мере захватить всю линию и небольшие куски соседних вполне реально.

– Наверное, – согласился Федор. – Но все равно странно как-то. Вот так вот взяться за оружие и пойти войной на соседей, чтобы один человек мог потешить свое самолюбие, упиться властью.

– Да не так уж это и странно.

– О чем это ты?

– Наш доктор дядя Матвей рассказывал как-то историю о мореплавателях замерзших в паковых льдах где-то у берегов Канады.

– Я не слышал... – пробормотал Федор, на несколько мгновений задумавшись для проверки архивов своей памяти и тут же с жаром попросил: – Расскажи!

– В общем совершали эти мореплаватели какое-то путешествие, но чего-то не рассчитали с курсом, заплыли дальше на север чем следовало да еще в зиму и замерзли. В общем делать нечего, помощи ждать тоже неоткуда, продовольствие и топливо кончаются, половину своего деревянного корабля и так уже на дрова пустили, другую половину вот-вот льды раздавят как гнилой орех и чувствуя что скоро наступит окончательный каюк решили они пробиваться на юг. Вот только не пробились они никуда. Потом когда их почти столетие спустя нашли, выяснилось что они ходили кругами вокруг своего корабля таская с собой невообразимое количество совершенно ненужного хлама вроде кресла-качалки,

тяжелого стола, сундуков с одеждой, тяжелые подсвечники и так далее.

– И почему же они этот хлам с собой таскали? – заворожено спросил Радар.

– Отравились не то оловом, не то свинцом. В то время как раз изобрели консервы и жестяные банки к ним. А крышки запаивались каким-то токсичным металлом, не зная, что он токсичен. Вот они его и нажрались вследствие чего в массовом порядке потекли крыши. Кто-то сказал, что им этот хлам в пути жизненно необходим, вот они его и таскали, даже не думая сомневаться в правильности слов вожака.

– И ты думаешь...

– А почему бы и нет? – пожал плечами Адам. – Сидят себе на станции неглубокого залегания, день за днем рентген за рентгеном хватают. Тут кому-то в башку приходит идея захватить всю линию или даже все Метро, дескать все будет наше и житуха начнется как в раю, и остальные ее с радостью поддерживают, не задумываясь даже, а на кой фиг им все это надо.

– Бр-р... – вздрогнул Федор. – Я бы не хотел, чтобы со мной вот так же произошло... чтобы я повелся на какую-то глупую идею приняв ее за истину в последней инстанции.

– Да уж, хорошего мало. Но вся гадость в том, что мы не сможем этого определить и уж тем более воспротивиться, ведь крыша уже улетела.

– Надеюсь что сможем...

– Будем надеяться, что так, – кивнул Адам, но сердце неприятно сжалось в ощущении чего-то гадостного.

Вся смена прошла под этим еще более чем обычно давящим ощущением. Как бы плохо ни было, но худой мир лучше доброй войны. Новогоднюю уже давно не сотрясало ничего подобного.

«Но видимо все когда-то заканчивается», – подумал Адам и постарался как можно быстрее отделаться от этой мысли, а то так и в пророки недолго заделаться.

К тому же Радар говорил что доваторцы имеют какие-то виды на чкаловцев, а это совсем в другой стороне.

Похоже их президент Бочаров тоже не на шутку встревожился слухами о возможном конфликте доваторцев с чкаловцами. Выразилось это во внеплановых учениях. В так называемой армии самообороны служили все кто мог держать в руках оружие и приучали к нему с малых лет. Так Адам Соколов, как и все мужское население и частично женское, знал и умел обращаться со всем арсеналом станции, от переделок в боевые газовых пистолетов и раздолбанных милицейских ПМ (из которых только по крысам стрелять в качестве пугача), до охотничьих карабинов «сайга».

Увы, но настоящего боевого оружия вроде калашей на Новогодней не имелось. Только охотничье с неподалеку расположенного от станции оружейного магазина разграбленного еще тогда когда радиацией не успело пропитаться все и вся. Впрочем, и того что было хватало с избытком чтобы устроить настоящую войну за независимость. По крайней мере, так все думали. Так спокойнее.

Им с Федором на двоих дали одно ружье. Предполагалось, что второй возьмет оружие напарника, если первого стрелка ранят или того хуже – убьют.

- Дай мне ствол... – тихо попросил Радар.
- Зачем?
- Ну дай!

Федор невольно покосился на группу девушек.

– Понятно... держи.

Соколов передал ружье Липецкому и тот с гордым видом занял позицию за колонной.

– Не лопни только. А то ишь, надулся как индюк.

Сами учения заключались в том что «солдаты» имитировали отражение нападения противника. Считалось, что это должно воодушевить и вселить в уверенность в том, что враг не пройдет. Хотя на взгляд Адама выглядело это довольно комично. Что подтверждали смешки девушек.

Адам отыскал в рядах Мальвину. Заметив его взгляд, она слабо улыбнулась.

Для поддержания боевого духа населения Новогодней, вечером в прокат запустили какую-то военную драму. Качество фильма оставляло желать лучшего, изображение мутное, а звук так и вовсе то едва прослушивался, то гремел как лист жести.

Впрочем, Соколов не всматривался и не вслушивался. Все его внимание занимала Мальвина сидящая рядом. Может общее ощущение опасности навеянное слухами и учениями или просто ему надоело ждать, но он так или иначе осмелев, где-то в середине фильма с бешено колотящимся сердцем сжал ее руку в своей ладони.

Мальвина не вырвала свою руку.

– Идем за мной... – отрывисто и давясь словами произнес

Адам и первым вышел из «зала», направившись в сторону

душевых.

Оттуда он наблюдал как Мальвина отпросившись у матери также покинула сообщество зрителей но поначалу пошла в сторону туалетов. Оно и понятно, ее мать то и дело оборачивалась, провожая дочь взглядом. И только когда она взялась за ручку кабинки успокоилась и продолжила смотреть кино. В этот момент Мальвина быстро пересекла пространство зала в сторону душевых.

Адам схватил ее и с силой привлек к себе.

– Что ты делаешь?! – глухо вскрикнула она.

– То, что мы оба уже хотим сделать! – порывисто ответил Соколов и впился в поцелуе в ее губы.

Да, с ней все было не так как с другими. Их обоих захватила бешеная страсть, будто у них это первый и главное последний раз в жизни. Удивительно, как они эти душевые кабинки вообще в хлам не разломали, а на шум не сбежалось все население станции. Но пронесло, видимо кино оказалось все же интереснее какого-то шума за спинами.

Мать Мальвины вообще словно забыла про свою дочурку, увлеченная переживаниями киношных героев, смахивала выступавшие слезы, и опомнилась лишь, когда дочь вновь присоединилась ко всем уже в конце фильма.

– С тобой все в порядке дорогая? – озабоченно спросила она. – Ты так долго... Может что-то не так?

– Лучше не бывает ма... – улыбнулась в ответ Мальвина. – Лучше не бывает...

Адам вернулся на свое место вообще к самому концу, за минуту до начала титров и в этот момент станцию заполнил рев баззера боевой тревоги, замигали лампы в красных плафонах. Из тоннеля со стороны станции Камышенская послышались звуки выстрелов, причем очень близко, похоже, держал оборону пост охранения непосредственно перед станцией. Грохнуло несколько взрывов и все затихло.

Станцию перекрывая рев сирены заполнил истеричный женский вой, крики. Началась паника. Все куда-то заметались, кто-то кого-то звал.

Раздался оглушительный пистолетный выстрел и обстановка на секунду затихла.

– Тревога! – закричал президент Бочаров, держа пистолет стволом вверх. – Боевая тревога! Всем занять свои места по боевому расписанию! Получить оружие на складе!

Что ж, внеплановые учения сделали свое дело и жители станции стали разбегаться по своим местам. Мужчины заспешили к оружейным шкафам, а женщины с детьми подхватив самое дорогое, что было в их палатках, стали уходить вверх по лестнице, чтобы никого не задело шальными пулями, когда начнется настоящее противостояние с противником.

– Занять боевые позиции!

Адам с Федором как на учениях заняли позицию за одной из колонн перрона. На этот раз им достался помповый дробовик, один на двоих и горсть патронов с крупной картечью. Радар так волновался, что не мог никак зарядить оружие, патроны в его руках не попадали в казенник. От волнения он даже выронил один патрон и стал лихорадочно его подбирать.

– Ч-черт!..

– Дай я!

Соколов отобрал оружие, и едва сдерживая дрожь в руках, зарядил помповик.

– Ну почему же они напали на нас-то? – стуча зубами от страха, недоумевал Федор. – Ведь слухи были что они на чкаловцев полезут...

– Значит дезинформация... слышал такое когда-нибудь.

– С-слышал.

– И потом, кто тебе сказал, что они не захватили чкаловцев?

– То есть?

– Могли на два фронта сработать. Вполне реально, если все правильно рассчитать. Военной силы им для этого как раз хватит.

– А камышенские что? Почему они нас не предупредили о нападении?!

– Ты это у меня спрашиваешь?! А я-то откуда знаю?! Да и кто их знает?.. Может банальное предательство или ди-

версия, кто-нибудь оборвал кабель связи. У них же там чужих полно ошивается, станция-то пересадочная... Да и не об этом надо сейчас думать. Лучше заткись и слушай. А то я кажется что-то слышу...

Федор, забрав заряженный дробовик, судорожно кивнул и прислушался. Через несколько секунд действительно уже явственно слышался нарастающий стук колес моторизованной дрезины. И вот на рельсах показалась странного вида конструкция чем-то отдаленно напоминающая старый угловатый сундук, только без ручки наверху, и два таких же сундучка поменьше следом.

Кто-то со слабой выдержкой начал часто стрелять и мгновение спустя десятки стволов изрыгали разнокалиберных посланцев смерти по вражеской конструкции из толстой стали, но ей, а точнее тем кто сидел внутри, похоже было хоть бы хны. Более того, как подумал Адам, именно на это они и рассчитывали, чтобы противник растратил первый боезапас.

«Как об стену горох», – невольно подумал Адам более что картечь и пули действительно зачастую с искрами рикошетили во все стороны.

– Не стреляй! – закричал он Федору. – Ты только зря традишь патроны!

Но Радара и прочих защитников было не остановить, все они в какой-то истеричности с криками высаживали по бронированным дотам на колесах заряд за зарядом, оставляя на поверхности лишь неглубокие вмятины и царапины. Кто бы

там ни сидел внутри, им это похоже надоело и как только интенсивность огня спала, они ответили. В сторону обороняющихся полетели дымшашки, не слезоточивые и тем более не отравляющие, а обычные дымовухи в целом безвредные для здоровья.

Вскоре перрон станции окутало плотным туманом, так что не видно дальше вытянутой руки. Стрельба как-то сама собой прекратилась совсем, да и патронов у большинства в магазинах не осталось, все отстреляли впустую.

После того как активная стрельба прекратилась, в тоннеле со стороны Камышенской послышался глухой топот ног, десятков быстро бегущих людей.

На выходе завязалась новая перестрелка с атакующими. Свою порцию огня по защитникам выдали стрелки сидящие в передвижной крепости. Попытался выстрелить по противнику и Радар, но дробовик лишь щелкнул бойком.

– Патроны кончились! – пожаловался он. – Надо перезарядить...

– А я тебе что говорил?! Че ты стрелял в эту дуру стальную, ей же все нипочем?!

Федор только виновато пожал плечами, сам не зная зачем он это делал. Со страху видать.

Адам зло, рывком забрал оружие и стал заряжать последними оставшимися из выданных ему патронами. В этот момент довавторцы подавили слабое сопротивление защитников Новогодней и прорвались на станцию быстро рассредо-

точиваясь и используя колонны перрона как укрытие для более массивной и окончательной атаки.

– Отступаем!

В дыму что либо разглядеть было решительно невозможно. Где свои, а где чужие... Стрелять по то и дело мелькающим силуэтам было боязно, вдруг своего подстрелишь, а этого Соколову смерть как не хотелось.

В суматохе Адам и Федор потеряли друг друга, впрочем, это уже не имело значения. Адам отступая наконец выцелил врага и выстрелил. То что это враг он определил сразу по камуфляжной форме с самодельным красно-черным флагом Доватора на том месте где раньше располагался бело-сине-красный триколор с надписью: «Вооруженные силы России».

Выстрелил, противник рухнул взмахнув руками, и тут же скрылся в особенно плотном клубке газа.

Вокруг стреляли, иногда очень часто из автоматов и в такие моменты Адам Соколов падал на пол, чтобы не попасть под очередь.

Газ между тем потихоньку рассеивался уходя вверх и по тоннелям, новые шашки не разбрасывались, а старые уже закончили свое действие. Из-за чего видимость улучшалась с каждой минутой и бой за станцию разгорелся с новой силой. Но похоже силы эти были неравны и доваторцы продолжали теснить защитников загоняя их все выше и выше к запечатанному выходу, туда где прятались женщины и дети.

Что с ними станет, когда противник сомнет последний рубеж обороны и доберется до них, гадать не приходилось – они станут добычей победителей, и мужчины продолжали стоять насмерть, защищая своих женщин: матерей, жен, дочерей... хотя понимали что битва проиграна.

– Сдавайтесь! – прозвучал от крепости на колесах усиленный матюгальником голос, в момент когда образовалось затишье. – Говорит генерал армии Империи Доватор Парнов! Сдавайтесь! Вам не победить! Чем дольше вы будете сопротивляться, и чем больше погибнет солдат Империи тем вам же будет хуже! Ваше сопротивление бесполезно и бессмысленно! Нам не нужны напрасные потери в том числе и среди вас – будущих верных подданных Империи. Вы проиграли. Признайте это! Я предлагаю вам сдачу только раз и обещаю более-менее сносное обращение со стороны моих солдат. Откажитесь, тогда пеняйте на себя, не будет никакого снисхождения! Итак, я даю вам минуту на размышление! Время пошло! Решайте!

– Хорошо! Мы сдаемся! – секунд через двадцать ответил президент Бочаров, осознав, что помощи ждать неоткуда. Пути заблокированы пулеметными расчетами и бойцам союзников с оконечной станции Первомайской к ним не пробиться.

Он вышел на середину лестницы и положил на ступеньки «сайгу».

– Мы сдаемся, – повторил он уже оставшимся в живых за-

щитникам. – Сложите оружие во избежание ненужных эксцессов...

Адам Соколов в числе прочих неохотно бросил дробовик. Он конечно понимал что сопротивление лучше оснащеному и количественно превосходящему врагу бесполезно, но то что произойдет в дальнейшем его страшило. Потому какая-то часть сознания предпочла бы сопротивляться до конца.

На полу среди многочисленных палаток, большей частью поваленных лежали тела убитых и раненых, в основном защитников. Их всех тут же собрали и сложили в отдельном месте. Оружие также от греха подальше было собрано и складировано обратно в оружейку под замок с охраной из доваторцев.

– Выходите! Выходите все! – потребовал генерал Парнов. – Я сделаю заявление от имени императора Империи Доватор.

Жители Новогодней стали несмело выглядывать из своих убежищ и спускаться вниз. Вбежавшие наверх солдаты подгоняли прикладами особенно трусливых и медлительных.

Наконец всех выгнали и построили на лестнице так что генерал видел лица всех жителей. Выйдя на середину, он начал произносить заготовленную речь, потому как очень уж гладко она лилась, что не свойственно солдатам:

– Граждане станции Новогодняя, теперь вы являетесь подданными Империи Доватор, а ваша станция становится ее

провинцией. Не вздумайте саботировать и тем более откровенно сопротивляться, кара за это будет немедленной и жестокой. Все законопослушные же подданные будут благодетельствованы императором Александром Красновым. По программе переселения, часть вашего населения будет переправлено на постоянное место жительства на другие станции Империи и соответственно часть населения других станций будет переселено сюда...

«Принцип: разделяй и властвуй, – понял Адам. – Перемешанное население захваченных станций будет относиться друг к другу настороженно и это недоверие всех ко всем можно использовать для успешного управления массами через поощрение доноительства».

– ...Кроме того поскольку вы вновь присоединенная провинция, то должны доказать свою верность императору, а также возместить потери понесенные армией Империи при вашем присоединении. Часть мужского населения Новогодней будет рекрутирована для службы в императорскую армию во славу и благо Империи Доватор, а значит и ваше благо тоже. Может есть добровольцы?

Таковых не оказалось. Мужчины хмуро исподлобья смотрели на агрессоров, но генерала то похоже несколько не смущало.

– Жаль, – притворным сожалением вздохнул он, – у добровольцев продвижение по службе куда более быстрое. Ну ладно, хватит соплей, всем приготовиться к переписи. Се-

мейным группам держаться вместе. Называйте свое имя, возраст и основную специализацию.

6

Появилась пара переписчиков с раскладным столиком и стульями. Один из них достал из портфеля толстую амбарную тетрадь и начал перепись население станции Новогодняя. Процедура затянулась до самого утра, несмотря на минимальный размер заносимой информации о каждом жителе. А сами переписчики сменяли друг друга каждые десять минут, чтобы дать отдохнуть натруженным пальцам.

– Следующий...

– Адам Соколов. Восемнадцать лет. Работник птицефермы...

– Женат?

– Нет.

– Родители?

– Мама...

– Екатерина Соколова, – поспешно представилась мать Адама. – Сорок два года. Швея.

– Ясно, – записал данные переписчик и занес еще какие-то условные символы. – Вы двое и все?

– Да...

– Муж?

– Пропал год назад.

– Ясно, – снова кивнул переписчик и что-то записал в тетрадь. – Следующий...

Когда к утру все было закончено, систематизировано, генерал Парнов перед вновь выстроившимися пред ним людьми сказал:

– Сейчас будут вывешены списки кому следует собраться в дорогу для переселения, тех кто останется на месте, а те кто призываются в армию будут названы прямо сейчас. Выстраиваться на линии передо мной как сивка-бурка вещая каурка в течении десяти секунд после зачтения фамилии. Опоздавшие будут наказаны. Зачитайте лейтенант.

Генерал отдал листок своему адъютанту и тот начал зачитывать фамилии рекрутов.

– Ремезов!

Адам невольно посмотрел на Рустама чинившего всем обувь. Сапожник стал потеряно оглядываться по сторонам явно не зная как поступить. Зарыдала беременная жена несчастного рекрута.

– Ремезов!! – гаркнул лейтенант и к Рустаму метнулись два автоматчика прикладами пробивая себе дорогу.

Впрочем, жители сами спешил поскорее уйти с их дороги. Они схватили его и швырнули в сторону линии построения. Рустам упал и его стали ожесточенно пинать ногами, прикрикивая:

– Поднимайся сволочь!

– Пшел на свое место, урод!

Избитого Ремезова наконец приволокли и лейтенант выкрикнул новую фамилию:

– Чаев!

История повторялась раз за разом с криками, слезами, мольбами родных пощадить. Но солдаты дователя были неумолимы.

– Соколов!

Адам почувствовал, как сперло дыхание, а сердце несколько раз судорожно трепыхнувшись, упало куда-то в живот и там учащенно забилося. Ноги мгновенно обмякли, сделались непослушными и только поэтому он остался стоять на месте и не шагнул в сторону линии как то требовалось от всех вызванных.

– Соколов!! – уже привычно во второй раз выкрикнул лейтенант.

– Я...

– Не отдам! – закричала мать, вцепившись в сына обеими руками и плотно прижав его к себе. – Не отдам! Пошли прочь подонки!! Не троньте моего сына! Не отдам!!!

Но солдаты несколько раз ударив рыдающую женщину прикладами по спине, рукам, голове, оторвали ее цепкие руки от сына и поволокли рекрута на линию к остальным несчастным. Она не желая принимать очевидное, пыталась преследовать, цеплялась, пыталась как-то помешать, но только получала все новые удары. Это зрелище, встрепенуло Адама вызвав в его душе гнев, взвело точно пружину придав сил и отчаянной решимости, и вырвавшись он раскидал бьющих мать людей, присел с ней рядом на колени схватив

за плечи и заглянув в глаза, прошептал:

– Не надо мам... это бесполезно. Все будет нормально... все будет нормально.

Потом отдубасили его самого, только за то, что толкнул нескольких солдат.

В итоге на линии перед генералом предстало двадцать рекрутов. А позади них, слышалось многоголосое рыдание родных. Но дальше этого не шло, солдаты направив стволы автоматов на толпу ясно давали понять, что любой бунт будет жестоко подавлен.

– А ну все заткнулись! – рявкнул генерал Парнов, когда последнего рекрута поставили в строй.

И рыдания действительно притихли.

– Поздравляю вас, – продолжил генерал вышагивая перед новобранцами, – теперь вы солдаты славной армии Империи Доватор! Гордитесь этим званием, тем что император оказал вам честь служить под его знаменами!

«Господи, к чему этот дурной спектакль?!» – недоумевал Адам.

Все что происходило, виделось ему неплохо начавшимся, но скверно закончившимся сном, нужно лишь только проснуться, чтобы все это окончательно кануло в небытие. Но увы, это был не сон и даже не скверно поставленный спектакль странствующей труппы артистов.

Адам просто не мог поверить в то, что этот так называемый генерал армии состоящей из сотни человек действи-

тельно верит в то, что говорит про Империю, императора и прочую муть. Это больше походило на какую-то детскую игру в солдатики из прошлой жизни. Как они тогда назвались? Орленок? Зарница? Вот только в игре этой использовали настоящее оружие и убивали и умирали тоже по-настоящему. А это уже действительно страшно.

– Переодевайтесь!

Несколько солдат вынесли из бронированного вагончика дрезины комплекты камуфляжного обмундирования с такими же флажками на рукавах как и у остальных и раздали новобранцам.

– Ну же! Живо!

Рекруты поспешили выполнить приказ. Тут же перед всеми сбросив старую заношенную одежду и надев «новую» форму. В кавычках, потому что кое-где виднелись не всегда аккуратно заштопанные дырки, несмотря на то, что часть действительно можно назвать новой, даже ни разу не стиранной и при этом чистой.

– Замечательно! – воскликнул генерал, прохаживаясь вдоль строя и заботливо поправляя то на одном новобранце, то на другом кепи, складку или воротник. – Теперь вы почти настоящие солдаты, а не дерьмо как раньше! А чтобы стать настоящими солдатами, вам нужно принести священную присягу на верность императору и Империи! Повторяйте за лейтенантом слова присяги. Прошу лейтенант.

Адъютант генерала сделал шаг вперед и стал громко зачи-

тывать:

– Я, клянусь в верности императору Александру Краснову и Империи Доватор...

Новобранцы под пристальным взглядом генерала хором повторили первые слова присяги, которые в любом другом случае показались бы до предела смешными, полным абсурдом. Но не сейчас, под прицелом автоматов.

– ...Клянусь верно служить императору и Империи, защищать ее от внешних и внутренних врагов...

– ...Точно и в срок исполнять все приказания данные мне вышестоящими командирами...

– ...А если я нарушу эту священную клятву, то пусть меня и... моих родных постигнет заслуженная суровая кара согласно законам Империи Доватор...

Соколов стиснул зубы.

«Вот значит как они решили обеспечить себе нашу верность, – подумал он зло. – Сволочи...»

– Отлично, можете встать. И еще солдаты, у меня для вас есть хорошая новость! – снова заговорил генерал, широко улыбаясь, но как-то криво, с подвохом. – У вас есть отличная возможность прямо сейчас подтвердить свою верность императору и Империи Доватор! Я не вижу радости на ваших лицах и соответствующих кличей! Надо трижды крикнуть «ура». Ну же!

– Ура... ура... ура... – вяло и вразнобой выкрикнули новобранцы.

– Еще раз, но радостнее и слаженнее! – потребовал генерал Парнов.

– Ура! Ура! Ура! – загромыхало под сводами станции, а эхо полетело по тоннелям.

– Замечательно. Хотя над этим еще придется поработать. Но это потом. А сейчас чуть подробнее о хорошей новости... Империя не может оставлять у себя в тылу неподконтрольные районы, а таковое имеется. За вами как раз находится конечная станция Первомайская, вот ее нам и предстоит присоединить к нашей великой Империи. И я окажу вам великую честь, вы пойдете в числе первых. Именно вы подтверждая свою верность не только словами, но и делами принесете эту победу своему императору!

Генерал в изумлении изогнул правую бровь. Этого хватило, чтобы новобранцы снова троекратно прокричали «ура».

– Замечательно! Я знал, что из вас получатся настоящие и верные своему долгу солдаты! Вперед, навстречу славе!

– Направо! – скомандовал появившийся перед строем коренастый сержант, да так зычно, что все рефлекторно подчинились приказу, да так четко, будто раньше только тем и занимались, хотя раньше, при свергнутой власти, на тупую муштру как раз и не особо налегали. – За мной, бегом марш!

Сержант побежал в туннель, ведущий к Первомайской и новобранцы побежали следом. За ними последовала остальная армия генерала Парнова. Замыкала шествие дрезина.

Хотя как увидел Адам, не все последовали в туннель.

Часть солдат, видать самые верные Империи, осталась на Новогодней, как оккупационный контингент, по всей видимости, для полного контроля новой «провинции» и поддержания порядка.

«Ну и дела...» – невольно поразился он быстрдействию военной машины доваторцев.

Оно и понятно. Прошло всего шесть часов с момента боя с вторгшимся к ним доваторцами и вот они уже бегут воевать за своих врагов. Что ж, нужно отдать должное организации всего мероприятия. В этом действительно чувствовалась рука если не гениального, то очень способного человека, главным кредо которого является: куй железо пока горячо... а то все остынет и развалится.

«Такими темпами этот долбанутый император захватит все Метро за пару-тройку недель, – подумал Адам. – Если сопредельные станции вовремя не одумаются, полностью осознав, что происходит, и не объединятся против общего врага».

Первомайская была еще меньше и беднее Новогодней с соответствующим минимумом ресурсов для обороны как материальным так и людским, но они хотя бы были предупреждены об опасности.

«И это плохо, – подумал Адам. – Кто предупрежден, тот вооружен, а значит крайне опасен как крыса, загнанная в угол. А первомайцы с какой стороны ни посмотри загнаны в угол. Им деваться совершенно некуда, разве что только наверх. Но кто в здравом уме полезет наверх? Люди как ни посмотри все же меньшее зло чем то что бродит по поверхности, то и дело пытаюсь проникнуть вниз, не говоря уже о радиоактивном загрязнении».

– Отряд стой! – в какой-то момент скомандовал сержант.

Новобранцы по инерции сделав еще пару шагов остановились тяжело переводя дыхание. Так долго бегать никому еще не доводилось. Легкие резало от недостатка кислорода, болело в боках.

К ним, подсвечивая себе путь карманным фонариком, подошел все тот же лейтенант и произнес:

– Как уже было сказано господином генералом, вам оказано доверие. Вы должны на деле продемонстрировать свою верность императору и Империи Доватор. Вы пойдете первыми и захватите опорный пункт перед станцией.

«Интересно, – вновь подумал Адам, – а кем были те солдаты, которые штурмовали наш опорный пункт и почти все полегли? Не такие же новобранцы с Камышенской как и мы?!»

– Извините господин лейтенант, разрешите обратиться? – дрожащим голосом произнес Адам Соколов, припомнив словесные обороты множество раз слышанных из кинофильмов и вычитанных в книгах.

– Обращайтесь рядовой, – с усмешкой кивнул лейтенант.

– Господин лейтенант, если Империи нужны солдаты и не нужны лишние потери как непосредственно среди ее солдат так и будущих подданных, то может было бы правильное провести переговоры о добровольном вступлении Первомайской в состав Империи Доватора?

– Я понимаю ваше состояние рядовой, вы опасаетесь погибнуть, но запомните на будущее, в дальнейшем речи подобного толка будут расцениваться как антиимперские и будут соответственно сурово караться. Это раз. Два – командующим лучше знать как вести расширение границ Империи. Три – добровольно с властью никто расставаться не захочет, как бы плачевна ни была ситуация. Так что любые переговоры это лишь пустая трата времени, как и мои вам объяснения очевидных причин. Потому разберите свое оружие.

Две пары солдат подтащили ящики с трофейным вооружением и не только с Новогодней.

Адам выбрал привычный себе помповик и зарядил, прихватив еще немного патронов и рассовав их по карманам. О

том чтобы повернуть оружие против своих врагов не могло быть и речи, как бы ни чесались руки сделать это. Во-первых от такого глупого шага пострадают не только они сами но и родные, а во-вторых из дота на колесах на них смотрел ствол тяжелого пулемета. Хватит одной очереди, чтобы выкосить всех бунтарей, они даже по паре выстрелов сделать не успеют, только сами все полягут. Так что попала нога в колесо, пищи но беги.

– Вот вам по гранате...

Из другого ящика всем выдали по цилиндрику гранаты.

– Надеюсь все знают как ими пользоваться? Вынимаешь кольцо и бросаешь. Это на тот случай если кому-то из вас посчастливится добраться до укрепления врага. И еще, всех кто отступит без приказа, ждет суровая кара, – напомнил лейтенант. – Вперед, навстречу славе!

– И смерти... – добавил кто-то глухо.

Впереди постукивая колесами на стыках рельс медленно катила бронированная дрезина. На флангах шагали нарекрутированные новобранцы с Новогодней вооруженные разномастным оружием, а позади шли хорошо вооруженные солдаты Доватора уже доказавшие свою преданность.

Они приближались к опорному пункту неумолимо и вскоре его огни завиднелись во тьме тоннеля.

– Похоже, они там серьезную баррикаду устроили, – слышалось со стороны.

– Стоять! – раздался усиленный и раздробленный эхом го-

лос со стороны Первомайской. – Будем стрелять!

– Сдавайтесь! – сказали в ответ захватчики. – Вам это не поможет!

Обороняющиеся врубили фары в надежде ослепить нападающих и все хорошенько осветить. Тут же ударили автоматные очереди и новобранцы мгновенно залегли, чувствуя как рядом пролетают пули рикошета от бетона дорожек, стен, труб, рельс, бронированной дрезины. Кто-то вскрикнул получив шальное ранение. Но все это действительно не помогло защитникам.

С дрезины ударил пулемет в одно мгновение разбив прожектора и вперед полетели уже знакомые газовые гранаты. По сути дым являлся единственным средством защиты нападающих.

– Не лежать! Вперед! – подгонял залегших голос лейтенанта. – Кто сейчас не встанет и немедленно не пойдет в атаку будет расстрелян как саботажник и предатель! Также пострадает его семья! Вперед!

Оказавшись в ситуации, что называется между молотом и наковальней, когда тут и там смерть, но если пойти вперед то им еще может повезти и они выживут, а если останутся их ждет верная кончина, подневольные солдаты с криками безумия ринулись в атаку. Дым к этому моменту плотно окутал тоннель, так что защитники особо не видели куда стрелять, впрочем как и нападавшие.

Первомайцы истерично вслепую палили в загазованную

темноту из десятка стволов, плотно нашпиговывая пространство пулями и картечью. Тем не менее лишь немногие пали на рельсы и шпалы убитыми или тяжело ранеными.

Адам передвигался согнувшись в три погибели, а то и вовсе припадая к земле и продолжал двигаться по-пластунски, вспомнив все фильмы о войне особенно Великой Отечественной, когда солдат вот также бросали по сути голыми на хорошо укрепленные огневые точки противника. При этом трясь о щебень, цепляясь за шпалы безбожно портилась форма.

«Ну и черт с ней, – удивившись собственной мысли о целостности одежды в такой момент, подумал Адам. Впрочем это понятно, к одежде всегда старались относиться бережно, ее же больше не шьют. – Сейчас главное выжить».

К счастью он оказался не один такой умный, рядом то и дело показывались другие ползущие на брюхе, а все обезумевших, бежавших вперед в полный рост уже давно переравило и поубивало.

Баррикада оказалась перед самым носом, то есть в каких-то пяти-семи метрах, совершенно неожиданно. В плотном дыму она угадывалась лишь по огонькам автоматных очередей защитников и вспышкам выстрелов дробовиков.

Нижний уровень по грудь человека состоял из камней и кирпичей. Выше – из труб и досок. Бойницы же были совсем небольшими, шириной с локоть, да высотой в пару ладоней, не больше. Хорошо только то что защитники похоже не ожи-

дали, что неприятель уже подобрался так близко и продолжали палить поверх их голов куда-то вдаль.

Соколов дрожащими руками достал гранату и просунул палец в кольцо.

«Только бы не промахнуться», – подумал он обомлевая, понимая что в противном случае граната отскочит от стены и ладно если куда-нибудь в сторону. А если прямо к нему обратно?

– Бросай гранаты!!! – закричал кто-то.

Удивительно, но этот крик заставил обороняющихся на какое-то мгновение прекратить огонь. Видимо они оказались сильно ошарашены. Это дало штурмующим ту необходимую, драгоценную секунду, чтобы выдернуть кольца из своих гранат и бросить в сторону баррикады в их узкие бойницы.

Адам видел что его бросок оказался удачным. Граната влетела в бойницу. К слову сказать она оказалась единственной из пяти брошенных что достигла цели, остальные четыре стукнулись о стену и рванули на этой стороне, ранив всех кто не додумался на всякий случай отскочить назад. Но и одной взорвавшейся по ту сторону, похоже хватило чтобы ошарашить противника, ранив его часть, а то и убив несколько человек.

– Вперед!

Оставшиеся дееспособные атакующие сорвались с места и в одно мгновение оказались у стены обрушив всю свою ог-

невую мощь в бойницы баррикады, расстреливая патрон за патроном также вслепую поводя стволом из стороны в сторону.

Тут подоспела основная армия доваторцев и огненный дождь из автоматов, заставил противника неся потери спешно отступить на последнюю линию обороны. Солдаты быстро разобрали часть стены баррикады, чтобы могла проехать дрезина.

Дальше собственно случилось то же самое что и на Новогодней. Один в один. Адаму пришлось еще немного пострелять двигаясь в числе первых, а потом наблюдать до боли знакомую картину: перепись населения для его дальнейшего переселения и рекрутирования новых солдат для Империи Доватор. Правда последним повезло больше, после принятия присяги их в бой тут же не погнали. Просто некуда.

После захвата Первомайской, также оставив там контингент для поддержания порядка, солдат с Новогодней: уцелевших, раненых и мертвых, вернули на их родную станцию.

– Вы хорошо показали себя, солдаты, потому вам дается возможность, как следует попрощаться с родными, потому как вас ждут дальнейшие завоевания во благо Империи. Даю вам для этого час. Советую за это время также наесться от пуза, – напутствовал генерал Парнов.

Адам тут же поспешил к палатке, где он жил с матерью. Подбегая к «квартире» он уже почувствовал неладное. Мать не встречала его, выйдя на перрон как остальные. Почему?

– Мама! – откинув полог, с криком ворвался он в палатку.

Екатерина Соколова лежала на матрасе не шевелясь, с закрытыми глазами будто спала. Но что-то в ее лице сказало Адаму что она не спит...

– Что с тобой, мама?!

Адам осторожно коснулся плеча матери. Она не отзывалась. В какой-то момент он уже с силой тряс ее за плечо, не желая признавать очевидного.

В конце концов, кто-то пришел на крик. Это оказался станционный док, дядя Матвей.

– Оставь ее Адам... – сказал он печально, положив руку ему на плечо.

– Что, как, произошло?! – не оборачиваясь, спросил он, все же оставив бездыханное тело в покое.

– Сердечный приступ.

Адам почувствовал, как слезы обильно потекли по щекам. Он остался совсем один. Они забрали последнего родного человека. Зачем они вообще пришли сюда? Зачем убили ее и других, заставляют воевать за себя? Какой в этом смысл?

– Мы позаботимся о ней...

Соколов только сокрушенно кивнул головой. Слезы перестали литься, глаза высохли. Уловив изменение в настроении и даже во внешности Адама, его лицо словно окаменело, черты лица заострились, как бывает с людьми принявших какое-то непростое решение с серьезными далеко идущими последствиями, доктор поспешно произнес:

– Только не делай глупостей мой мальчик... Этим ее уже не вернешь, а вот себе и остальным хуже сделать можешь. Сегодня уже было достаточно смертей. Не увеличивай и без того огромную скорбь лишними жертвами...

Адам буквально выстрелил в доктора взглядом словно собираясь убить им его, но тот не отвел глаз. Лишь добавил:

– Если хочешь – отомсти. Но помни, мстят сразу – дураки. Да и объект мести тоже нужно выбирать с умом, а не убивать первого ж попавшегося вага, пусть даже высокопоставленного. Это как сорняк. Выкорчевывать нужно сам корень, а не рубить стебли, что отрастут в еще большем количестве...

– Я понял, – кивнул Адам и зло прошептал: – Я доберусь

до этого проклятого императора, чего бы мне этого ни стоило и прибыю его...

– Вот и молодец. Пойдем...

Адам Соколов накрыл тело матери одеялом и вышел из палатки вслед за доктором. Тот вел его куда-то за собой. Но тут, несмотря на то что он был всецело поглощен планами мести, Адам увидел мать Мальвины. Чувствовалась, что она сильно сдала, сильно сгорбилась, волосы обычно хорошо уложенные, всклокочены, а глаза красные от слез.

«Почему? – подумал он. – Ведь у нее сегодня никто не погиб, никого не забрали. Если только...»

– Только не это...

Доктор Матвей остановился и тяжело вздохнул, проследив за взглядом Адама.

– Что с ней?! Что с Мальвиной?! – встряхнул он доктора, но так и не дождавшись ответа, оставил его в покое и заспешил к заплаканной женщине.

Земля уходила из под ног. Столько бед в один день пережить трудно. Начиная от крушения привычного мира, в общем-то уютной жизни с привычным укладом пусть и наполненного серыми днями, смерть матери и вот какая-то неприятность с любимой.

От матери Мальвины он тоже не добился ответов. Она только снова разревелась, закрыв лицо руками и осев на пол по колонне. Соколов бросился в их палатку.

– Мальвина!

Ему стало совсем плохо, потому что она лежала почти также как его мать, без движения, только глаза открыты и смотрят в пустоту не мигая. Но с его выкриком она чуть вздрогнула и посмотрела в сторон входа.

– Адам?! Это ты? Ты жив?..

– Жив...

– Это хорошо... но прошу тебя, уходи.

– Что случилось?! – спросил он и сам понял, как глупо прозвучал вопрос, потому как уже знал ответ, и он его окончательно подкосил.

В палатке было темно, так как специально закрыли все окошки и не зажигали фонаря, потому он не сразу разглядел что девушка сильно избита, но приглядевшись увидел большие кровоподтеки на лице, разбитые до крови губы, верхняя даже порвана и зашита доктором.

– Мальвина...

Она закрыла лицо ладонями и попыталась перевернуться на другой бок, но не смогла из-за боли в животе, да и Адам ее остановил, взяв за плечо.

– Кто это сделал?

– Это не важно... не скажу... я не хочу чтобы ты наделал глупостей и сам при этом пострадал.

– Мне уже плевать на собственные страдания... Я уже достаточно настрадался, так что лишняя порция для меня что мертвому контрольный выстрел.

– Они убьют тебя...

– Плевать. Для чего мне жить? Но я по крайней мере захвачу с собой и их поганые жизни, тех кто с тобой это сотворил.

– Не скажу. Ты должен и будешь жить. Знай только что я очень рада тому, что до них у меня был ты, что не они были первыми...

На этот раз слез не было. Обида, ярость, нестерпимая жажда мести высушивали их. Адам пулей выскочил из палатки и стал озираться по сторонам точно бешеный в поиске жертвы. Наконец он нашел того кого искал – своего приятеля.

– Фелор.

– Это ты Адам... – вздрогнул Липецкий, развернувшись. – Я рад, что ты уцелел.

– А я – нет. Кто с ней это сделал?

– Я не знаю... не видел... – сразу же стушевался Федор, мгновенно поняв о чем и о ком идет речь.

– Видел, я знаю, – настаивал Адам. – Ты всегда все видишь и все знаешь. Просто покажи. Не рукой. Взглядом.

– Не делай этого...

– Хватит! – яростно воскликнул Соколов, схватив Федора за грудки и хорошенько встряхнув, так что у приятеля лязгнули зубы. – Мне сегодня только и говорят, чтобы я ничего не делал. Из-за того, что никто ничего не делает, эти ублюдки творят что хотят! Я не прошу от тебя помощи. Просто. Покажи. Мне. Этих. Ублюдков.

Под испепеляющим взглядом Адама Федор будто стал меньше.

– Вон они... Вон те трое...

Адам обернулся в указанном направлении и сразу увидел трех солдат в слишком уж хорошем настроении. Они о чем-то весело разговаривали друг с другом попивая пиво из жестяных банок и покуривая самокрутки. Соколову вдруг подумалось, что они сейчас как раз обсуждают то, как совсем недавно измывались над беззащитной Мальвиной и это разъярило его еще сильнее, окончательно утопив рассудок в тумане жажды мести.

– Спасибо... – буквально прорычал он, отпустив приятеля.

Липецкий тут же скрылся среди палаток, чтобы не засветиться как пособник страшного преступления, от которого могут серьезно пострадать даже самые мало-мальски причастные.

Адам двинулся прямо на троицу. Оружия у него не было, стволы во избежание всевозможных эксцессов отобрали, так бы он с огромным удовольствием расстрелял этих уродов с довольными рожами еще издалека. Но можно и без оружия если действовать четко и быстро, они своими стволами в свою очередь просто не успеют воспользоваться.

Адам не сводя взгляда с ненавистных врагов поднял по закопченному сажей кирпичу из кладки затушенного очага и продолжил движение, не замечая ничего вокруг.

Троицу окриком предупредил кто-то из товарищей, увидев какую-то неестественную картину: целеустремленнодвигающего с каменным лицом парня из местных с кирпичами в руках.

Троица перестав смеяться, заметила опасность, но это их не спасло. Тот что был ближе, стоявший к Адаму спиной, увидев изумление на лицах товарищей обернулся и получил кирпичом прямо в лоб от чего тут же рухнул с проломленным черепом и обильно заливающей лицо кровью.

Адам замахнулся вторым рукотворным камнем и бросил в следующего врага. Солдат попытался увернуться, но не смог. Кирпич пришелся ему в район правой ключицы, наверняка переломав несколько костей, что подтвердил дикий крик раненого.

На третьего противника, ошавшего от неожиданности, но справившегося со ступором и начавшего приводить оружие в боевое состояние Соколов бросился с кулаками и повалил его на пол в зверином желании добраться до глотки и вырвать ее.

– Убью падаль...

Видимо ненависть придает сил, невероятно много сил, потому что он словно играючи сломил сопротивление здорового мужика минимум в два раза сильнее его и добравшись до горла стал душить его, сдавливая пальцы точно пневматическими клещами, одновременно пытаясь разбить врагу затылок встряхивая тело с силой обрушивая его на пол.

К месту происшествия на выручку своему товарищу уже спешили другие солдаты. Большая их часть оцетинилась стволами, чтобы охладить пыл заволновавшейся толпы, которая как казалась вот-вот поднимет мятеж против захватчиков, но бесполезный и кровавый.

– Отпусти его или я тебе мозги вышибу! – кричал кто-то подбегая.

Но Адам его не слышал, не хотел слышать, продолжая удавливать врага руками превратившихся в клешни. Жертва уже посинела лицом, язык вывалился, а глаза казалось вот-вот вылезут из глазниц, из разбитого затылка текла кровь, разбитого о пол.

– Нет! – раздался женский вскрик.

А в следующее мгновение грохнула короткая очередь из

АК.

Адама что-то дважды ударило в спину, и он секунду спустя, быстро потеряв все силы повалился на свою затихшую жертву. В местах удара сильно защипало и стало мокро.

Скатившись с трупа врага он увидел жуткую картину, рядом без движения, на правом боку лежала Мальвина. Она смотрела на него слабо улыбаясь, а на груди тоже намокало два красных пятна. Пули прошли навывлет. Он сразу понял, что она попыталась закрыть его своим худеньким телом, но для пуль АК оно оказалось все равно, что лист бумаги.

– Только не это... Мальвина...

Соколов пополз к ней преодолевая боль, но воссоединиться с девушкой ему не дали. Несколько солдат налетели на него и стали избивать ногами раненого.

– Прекратить! – прозвучал легко узнаваемый голос генерала Парнова. – Что тут произошло?

Солдаты тут же оставили свое занятие, вытянувшись в струнку.

– Этот ублюдок убил двоих и тяжело ранил одного нашего! – выкрикнул кто-то из солдат.

– Не орать! Отвечать по форме!

– Так точно господин генерал! Этот уб... рядовой напал на троих наших. Убил двоих и одного серьезно покалечил.

– Вижу. Поднимите его.

Двое солдат подняли Адама с пола подхватив за руки. К Мальвине бросился доктор, пытаясь прямо на месте остано-

вить кровь. Ему больше мешала чем помогала причитающая и ревущая мать.

– Ну и зачем ты это сделал?

Адам только сплюнул кровавую пену и захрипел. У него похоже было пробито легкое. Вместо ответа он лишь посмотрел на Мальвину.

– Ясно, – все понял генерал, оценив живописную картину. – Эти трое позабавились, а этот отомстил. В итоге армия потеряла четверых солдат. Ты дурак рядовой... дурак. Мог в бою отомстить. Кто там разберет откуда пуля прилетела? Ну да, в такие моменты особо не думается. Тем не менее как бы ни были благородны твои мотивы, за преступление придется ответить по всей строгости, да еще в условиях военного времени. Твоя казнь послужит уроком для других...

К генералу подошел лейтенант.

– В чем дело?

– Академики прибыли.

– Черт бы их побрал... и откуда они только узнают обо всем?

– Задержать?

Генерал огляделся. Видимо он увидел что-то совсем уж нехорошее в глазах обступивших их жителей Новогодней. Раненой что лежала у его ног, и без того изнасилованной его солдатами, требовалась немедленная помощь и если медлить... В общем, следовало проявить осторожность, потому Парнов отрицательно мотнув головой, ответил:

– Пусть проезжают.

Лейтенант отбежал, чтобы отдать соответствующий приказ на пост.

– Но как не вовремя... – разочаровано добавил генерал глядя на Адама.

В пределы станции минуту спустя как было дано разрешение, вкатила моторизованная дрезина с тремя тележками. С дрезины на перрон шагнул высокий человек в белом халате.

– Нам стало известно о боевых действиях, – начал он. – Академгород соблюдая нейтралитет, просит разрешение забрать у сторон участников конфликта, всех кто получил ранение в ходе данного конфликта, и неважно, чьей стороне принадлежат раненые.

– Да-да! – тут же закивал доктор весь в крови Мальвины. – Возьмите наших, у нас много раненых!

– Вы не против? – обратился академик к генералу, понимая, кто тут в действительности все решает.

– Не против...

Раненых со всех концов станции тут же потащили к дрезине.

– Мы можем забрать и ваших, – продолжил академик. – Я смотрю, у вас тоже много раненых, в том числе и тяжело.

Генерал кивнул. Раненых у него действительно хватало и больше половины из них в ближайшее время без квалифицированной помощи могли дать дуба. А подобную помощь он в ближайшее время им предоставить не сможет.

– Берите...

На одну из платформ дрезины стали укладывать солдат Империи Доватор. Парнов приблизившись к ним, напомнил новобранцам рекрутированных с захваченных станций:

– Не вздумайте задерживаться слишком долго. Если по истечении времени излечения вас не будет в строю, кое-кто из ваших родных за все заплатит.

– Этого тоже... – указал на Адама академик.

– Э-э нет, – остановил санитаров генерал.

– Но он же ранен.

– Он преступник и будет казнен.

Глаза академика нехорошо сузились.

– Вот как?

– Да.

– Генерал, – произнес академик медленно, – мы конечно нейтралы и в равной степени помогаем всем сторонам конфликта. Мы сохраняем жизни, какие бы ублюдочные они ни были... потому что жизнь, это жизнь, она дает начало новой жизни. Это наш долг и призвание... Но, мне тоже ничто человеческое не чуждо. Иногда мне вместо того, чтобы спасти чью-то жизнь, хочется наоборот ее оборвать, несмотря на клятву Гиппократата. Потому я спрашиваю вас генерал, для вас действительно так важно казнить этого человека? Так важно, что вы готовы лишиться пяти-семи своих солдат, что могут вернуться под ваше командование через месяц другой?

Парнов набылчился, глянув на академика исподлобья, и в свою очередь угрожающе прошептал:

– Этот дохляк так важен для вас, что вы готовы сами отдать свои жизни?

– Только без угроз. Тронете нас хоть пальцем и вашу гребаную империю размажут точно кролика катком. Соизмеряйте свои желания, возможности и последствия генерал.

– Что же вам мешает так поступить? Ведь мы же вам не нравимся. Возьмите и размажьте. Или ваши угрозы только пустые слова?

– Мешает то что в этом случае прольется совсем уж большая кровь, начнется война всех со всеми. Никому не нужна полная анархия и хаос.

– И все же вы готовы пойти на это ради одного человека, который вот-вот кони двинет?

– А вы готовы ради этого человека что вот-вот двинет кони и лишиться всех своих завоеваний начав войну на два фронта?

Академик и генерал долго мерили друг друга взглядами, но в какой-то момент генерал отступил, махнув рукой. Глядя на пускающего кровавые пузыри раненого корчащегося в муках, он бросил:

– Забирайте эту дохлятину. Все равно он сдохнет еще до того как вы его довезете до своего госпиталя.

Соколова тут же подхватили санитары, положили на носилки и аккуратно разместили на дополнительной платфор-

ме дрезины, где им тут же занялись медики, начавших вкалывая какие-то лекарства, перевязывая раны стабилизируя его состояние, чтобы он смог дожить до прибытия в Академгород, где ему будет оказана настоящая медицинская помощь.

Правда сначала дрезина посетила Первомайскую где забрала порцию раненых, ставших таковыми не без участия Адама.

Академгород всегда представлялся Адаму каким-то раем на земле, то есть под землей. Белые стены, много света, всюду красивые цветы, бабочки порхают, улыбающиеся люди в чистых белых одеждах, вместо палаток просторные домики чуть ли не с лужайками зеленой травы и так далее и тому подобное. В общем, что-то сказочное. Про Академгород и его жителей ходило столько легенд, что он просто перестал восприниматься как что-то реальное.

Так это было или нет, он так и не увидел, потому что очень скоро потерял сознание, а очнулся уже на койке в госпитале, устроенного в старом бомбоубежище.

«Боже, какой же я дурак, какой дурак, – в горьком рассказании ругал себя Адам, как только полностью осознал что же он наделал. – Ну зачем я это сделал? Ведь говорили же мне: не надо, только хуже будет... Не послушал и из-за меня дурака Мальвина только еще сильнее пострадала. Мальвина...»

– Мальвина...

– Заткнись Буратино, а то сейчас Карабас-Барабас придет... – прозвучал чей-то раздраженный голос. – Дай поспать.

– Сами помолчите Жиркевич, – вступилась за Адама Соколова дородная женщина в белом халате, только что вошедшая в палату с саквояжем в руке, – или забыли как сами еще

неделю назад вопили и не давали спать соседям?

Кто-то хохотнул, видимо свидетель тех воплей.

Осаженный больной недовольно засопел, хмуро взглянул на медсестру и повернулся на кровати лицом к стене.

Сестра между тем присела рядом с Адамом и стала щупать его пульс, потрогала горячий лоб.

– Мн-да, дела у вас конечно не ахти, похоже легкая лихорадка, но вы идете на поправку молодой человек. Сейчас я вам дам нужные лекарства, чтобы еще немного сбить жар.

Она порылась в саквояже и достала оттуда несколько таблеток и маленькую пластиковую бутылочку с водой.

– Вот выпей...

Адам выпил предложенные таблетки и снова рухнул на куцею подушку и тощий ватный матрас, застеленный изрядно изношенной простыней.

– Спасибо...

Сестра уже собиралась вставать, чтобы осмотреть других больных, но Адам ее остановил, взяв за руку.

– Скажите... что с девушкой?..

– Какой девушкой?

– Ее привезли вместе со мной... Мальвина. Ее зовут Мальвина... У нее еще волосы синеватого цвета... Скажите мне...

– Успокойтесь больной. Вам нельзя так сильно волноваться. Я не знаю что с ней, но если вам так необходимо...

– Да мне необходимо... Жизненно необходимо...

– Если вам так необходимо я попробую узнать что с ней. Женское отделение находится в другом крыле, так что вам придется некоторое время подождать. До следующего обхода.

– Хорошо... Спасибо...

Медсестра ушла, проверив всех больных находившихся в данной палате, и Адам стал ждать известий о Мальвине. Верить в худшее не хотелось, но эти два быстро растущих пятна на ее простреленной груди так и стояли перед глазами Адама.

Соколов снова впал в забытие. Очнулся же оттого, что кто-то громко рассказывал захватывающую историю об отражении нападения мутантов на станцию проделав в стене дыру.

– ...И тут они на нас поперли! Боже, какие же то были уроды!

– А на кого они походили?! – заинтересованно спросил другой обитатель палаты.

– Да я даже и не знаю с чем сравнить, честное слово. Черные все такие, пищат противно, аж уши ломило, ну а внешне больше смахивали на каких-то карликовых медведей. Детенышей. Или наоборот на подросших росамах. В общем рвали эти твари человека пополам как не фиг делать!

– Так может это и были мутировавшие медведи или росамахи?

– Все может быть, особо и не разглядеть, так это или нет. И ведь подыхать твари не хотят! Я лично в одну гадину весь

рожок всадил с пятнадцати шагов из АКМ, так ей хоть бы хны. Только на задние лапы встало и ревело от боли, да черной кровью исходило. Но не падала, а потом вновь вперед пошло. Я уж и в район сердца, хотя хрен знает где теперь у этих тварей сердце располагается, я и в голову, все едино. Более того, от их бошек пули реально рикошетили, ну чисто как от брони стальной.

– Да ну?!

– Вот тебе и «да ну». Хорошо что их хоть немного к нам пробралось, всего дюжина. Будь их больше, даже и не знаю, справились бы или нет. Всех бы там сожрали сволочи.

– Как же вы их положили таких неуязвимых?!

– Да кого как... Кого сожгли, кому башку к чертям оторвали...

– Это как?!

– Да там у нас один чудик с мечом есть. А меч у него страсть какой большой в человеческий рост не меньше. И весь такой кривой, в смысле волнистый, двуручником называется.

– Вот это да!

– Ага. Он до Катастрофы этим был, как его... ролевиком. На мечах значит сражался с такими же чудиками как он сам, турниры, то да се... баловство в общем. У него и доспехи есть. Так вот, он этим мечом как взмахнет и башки у мутанта нет. Половину так перебил. А другим в глаз надо попасть, только так пуля до мозга достает. Вот только глаза у этих

тварей махонькие как один рубль. Да и под определенным углом пулю засадить надо, чтобы в мозг попасть. Намучились в общем...

– Это понятно. И много у вас на станции погибло от напасти этой?

– Не знаю... но не ошибусь если скажу что с сотню точно будет...

– Так много?!!

– Да мутанты всего-то человек двадцать порвали, не больше. Остальные в панике друг друга потоптали, когда ломались прочь в тоннель со станции. Уж что там творилось...

– Понятно.

– О! Обед приехал!

На входе действительно показался медбрат, подкативший тележку. В ее верхней части стояла кастрюля из которой пахло чем-то съедобным.

– Что на этот раз?

– Бобы.

– Ну да, мог бы и не спрашивать.

Пациенты глухо хохотнули. Видать бобы являлись единственным блюдом, по крайней мере в обед. Пациенты стали подходить и брать пластиковые тарелки с ложками с нижней части тележки, а медбрат накладывал им еду поварешкой.

– А вы?

– Я не хочу... – слабо ответил Адам.

Есть он действительно не хотел.

– Надо братан, – сказал недавний рассказчик и взял еще одну порцию и подал Адаму. – Тебе нужно подкрепиться иначе совсем загнишься.

– Спасибо...

Адам поддел несколько бобов и стал их медленно пережевывать.

– Что с тобой кстати?

– Ранили... две пули в спине...

– Разборки? Война?

– Война...

– Где?

– Камышенский союз...

– Далеко...

Так за расспросами Адам рассказал почти всю историю нападения доваторцев и несмотря на то что как считается разговор мешает потреблению, за этим разговором он съел половину порции.

– Вы не знаете, когда здесь второй обход?

– Зачем тебе?

– Это он о своей телке беспокоится, – встрял Жиркевич. – Кстати Буратино, чего у нее волосы синие? Мутантша?

– Отвали, – заступился рассказчик, видя как напрягся Адам и задрожала его рука с тарелкой. – А ты успокойся... Нет я не знаю, я тут новичок в отличие от тебя, но ты видать долго без памяти валялся...

– Да уж немало и достал всех порядком... – снова буркнул

Жиркевич.

– Вечером. Через пять часов заглянет, – подсказал кто-то еще.

В назначенный час появилась с обходом та самая дородная медсестра. Выглядела она так что Адаму поплохело, от нее словно исходили плохие новости так что не требовалось никаких слов, чтобы все понять. Но он все же непослушным голосом спросил:

– Как она?

– Мне очень жаль молодой человек, но... ваша девушка скончалась... от потери крови... Мы ничем не смогли ей помочь...

Адам закрыл глаза и тихо застонал.

Через какое-то время Адам смог передвигаться самостоятельно, но все что он делал – делал с неохотой, через силу. Ему было все равно, на все наплевать. В какой-то степени он даже жалел что выжил, что его спасли академики. А зачем жить, если он потерял все: семью, дом, любимую? Уж лучше бы он отправился вслед за ними. А воть, проповедники и впрямь говорят правду и люди после смерти воссоединяются на небесах?

Тяжелое в психологическом плане состояние пациента не могло не остаться незамеченным и его пригласили в кабинет, на двери которого висела табличка «психолог В. И. Знаменский».

– Разрешите? – постучав и войдя спросил Адам безжизненным голосом.

– Присаживайтесь, – пригласил Знаменский, с некоторым трудом выйдя из-за стола. – Я вас давно уже жду.

Адам послушно сел, даже скорее лег, на указанное престарелым, лет шестидесяти, а то и всех семидесяти, психологом кресло с сильно откинутой спинкой.

Полулежа в этом мягком кресле Адам невольно огляделся вокруг. Кабинет психолога сильно отличался от всех прочих помещений что ему доводилось видеть вживую, только в кино. Комната с двумя картинами морских пейзажей

на стене, шкаф снизу доверху забитый множеством книг, в большинстве своем трудами по психологии. Ковер на полу. На небольшом столике «ночник», освещавший кабинет, едва разгоняя тьму своей слабосильной лампой. Потолочная лампа не работала. Видимо, потушена специально для создания наиболее тесного и доверительного контакта между врачом и пациентом.

– Вам удобно Адам?

– Нормально...

– Замечательно.

Психолог сел на стул рядом с креслом, у его изголовья.

– Вы в Академгороде уже без малого два месяца, ваши раны почти зажили, а значит все ближе время выписки.

– Выписывайте...

– Мы это конечно сделаем, никто лишнее время вас держать не станет, потому как раненые поступают постоянно и всем нужно место, – кивнул Знаменский. – Но проблема в том что тогда получится не очень хорошая вещь, все наши труды пойдут насмарку, впустую, а это плохо. Мы работаем не для того. Слишком много сил, времени и средств мы затратили на ваше восстановление молодой человек.

– О чем вы говорите? Вы хотите, чтобы я их отработал? Что ж, я сделаю это...

– Дело не в этом, хотя ваше желание компенсировать затраты непременно рассмотрят с должным вниманием.

– Тогда что?

– То, что по выписке вы скорее всего очень скоро погибните. Ваше внутреннее состояние внушает нам опасения. Нам бы не хотелось, что бы вы покинув наш город банально закончили с собой.

– Я не сделаю этого, – глухо ответил Адам.

– Хотелось бы надеяться, – сказал Знаменский, но таким тоном что сразу становилось ясно, он в этом как раз очень сомневается. – Но чтобы удостовериться в этом, мне бы хотелось услышать ответы на некоторые вопросы.

– Спрашивайте.

– Что вы собираетесь делать после выписки, молодой человек?

– Не знаю. Наверное отработаю лечение.

– Хорошо. А дальше?

– Не знаю... – пожал плечами Адам.

Он действительно просто не представлял чем займется после того как его выпишут. Ему было безразлична его дальнейшая судьба. Ничего по жизни не хотелось.

– Куда вы пойдете?

– Не знаю... мне некуда и не к кому идти. Моя станция захвачена довавторцами и там меня ждет смерть., ведь я приговорен... Может быть пойду куда-нибудь в другое место... Мало ли еще станций в подземке?

– Достаточно.

– Зачем вам это все? – спросил Соколов, перебив Знаменского хотевшего еще что-то спросить, сам удивившись

вспыхнувшему в нем интересу.

– Что «все»?

– Все. Спасать раненых, сюсюкаться со мной.

– Это наш долг.

– Долг? – с усмешкой переспросил Адам.

– Что ж, я объясню подробнее... Но сначала скажи, как ты жил на Новогодней, ради чего?

– Не знаю... – снова пожал плечами Адам Соколов. – Просто жил.

– Существовал.

– Да... так наверное правильнее. Существовал.

– Ел, пил, спал, выполнял какую-то общественно значимую работу и так день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

– Да.

– Как животное.

– Да...

– Но человек не животное Адам. Для жизни, именно жизни, а не тупого животного существования, человеку необходима цель, во имя и для достижения которой он посвящает свое брренное бытие.

– Вы сейчас говорите как проповедник, – невольно усмехнулся Адам. – Они тоже когда приходили про какое-то брренное бытие бормотали, что дескать нужно молиться богу...

– Возможно. Наверное, это потому что у проповедников всех мастей есть свой смысл жизни, нести свою проповедь

и наставлять на как им кажется единственно верный путь в жизни. Понимаешь?

– Да...

– Человек не может жить без идеи без смысла, хоть какого-нибудь, иначе вскоре он начинает деградировать, ведь его жизнь пуста и никчемна. Например как ты превращаться в собственную тень, медленно умирать от тоски. Отсюда алкоголь, наркотики, лишь бы забыться, уйти от реалий серого дня. Другие же превращаются в животное в человеческом обличье, начинает изливать свою агрессию на окружающих. Человеку нужна идея, хоть какая-то, пусть самая бредовая, лишь бы была. Была цель к которой нужно стремиться. Что-то такое большое, светлое, великое... К примеру возьмем догматовцев решивших основать империю. Ведь не спятили же они все разом, правильно?

Соколов неуверенно кивнул. Хотя предполагал что такое вполне возможно. Ведь сам же рассказывал Радару историю подобного массового умопомешательства. Хотя опять же тот же генерал Парнов, да и прочие его офицеры и солдаты, не произвел на него человека со слетевшей крышей. Даже на фанатика не тянул.

– Просто кто-то выдвинул захватывающую воображение идею об Империи, они все согласились за неимением лучшей (а кто не согласился того заставили это сделать или убили) и начали захватнические действия. У людей так или иначе появилась цель, которая отвлекла их от ежедневного тяжело-

го, грязного и бессмысленного существования, и они с радостью начали воплощать ее в жизнь. Беда только в том что их идея основана на изначальном разрушении, но так уж повелось что Империи рождаются в войнах и в войнах же гибнут. Люди пошли по этому пути потому что никто не придумал ничего лучшего, более понятного... или не захотел в силу своих меркантильных соображений. И вот ты спрашиваешь, зачем мы всем этим занимаемся, с тобой сюсюкаемся. Занимаемся молодой человек потому что мы пошли по другому пути, по пути помощи другим людям, даже если они заблудшие во тьме невежества. Потому вместе с вами взяли и раненых довавторцев.

– Но почему они не пошли по вашему пути?!

– Путь насилия – самый легкий путь. Да и ресурсов у них откровенно говоря для этого нет. У нас ведь есть лаборатории, ученые, знания. А что у них? Правильно – ничего.

– Но ведь из-за того что у них этого нет и они пошли по легкому пути, поплыли по течению, я не должен их любить.

– Конечно не должен, ты даже вправе их ненавидеть. Хотя это тоже не есть хорошо.

– Но что вы хотите от меня? – недоумевал Адам.

– Что бы ты выбрал свой путь. Стал человеком идущего к своей цели. А не превратился в жестокого зверя, живущего только сегодняшним днем желающего только набить брюхо, посовокупляться и сладко в безопасности поспать. Мы хотим чтобы наши усилия что мы вложили в темя не пропали

в туне.

– И какой же путь я должен выбрать?

– Это только твой выбор, – произнес Знаменский. – Подумай, поищи... Ну а если так и не придумаешь, тогда мы что-нибудь предложим на выбор.

– Я понял...

– Тогда свободен. Приходи когда найдешь свой путь и возможно, если это в наших силах, мы сумеем тебе чем-нибудь помочь, потому что помощь другим людям – наш путь.

Разговор с психологом оживил Адама, вдохнул ему силы. Он почувствовал какую-то легкость, даже в плечах словно шире стал, а в походке – тверже. Теперь он шел прямо и смотрел перед собой, а не под ноги.

Цель. Ему определенно нужно найти свою цель в жизни. Но какую? Как ее найти?

Впрочем искать ее долго не пришлось. Едва ожив, он понял, что хочет сделать – убить этого проклятого императора вознамерившегося создать империю и принесящий в жизни людей на захваченных станциях столько горя.

«Это месть, – подумал Адам, ощутив тревогу. – Помогут ли мне академики свершить месть, иными словами убийство, ведь это как раз то чего они стараются избегать, помогая раненым всех сторон конфликта».

Впрочем, помогут ему академики или нет, это уже не имело значения. Он попытается свершить свою миссию несмотря ни на что. Он убьет императора во что бы то ни стало, станут они ему помогать или нет. Император ответит за все: за смерть матери и Мальвины.

Адам не доходя до своей палаты десятка метров повернул назад и вновь оказался у дверей психолога. Постучав, он попросил разрешения войти.

– Входите... А, это вы молодой человек. Уже решили? На-

шли свой путь?

– Да... кажется... – засмутился Адам.

– Что ж, я слушаю.

– Я хочу... убить этого императора Доватора.

– Значит месть... – с тяжким вздохом кивнул Знаменский. – Видимо эта такая природа человека, идти к созиданию через разрушение, насилие и смерти.

– Вы отказываете? Ведь этот человек сотворил столько зла... а сколько еще сотворит?! Его нужно остановить!

– Не нужно меня убеждать, к тому же в чем-то я даже с тобой согласен. Я не могу отказать, потому что эти вопросы не в моей компетенции, – ответил Знаменский на удивление мягко. – Но если вы хотите молодой человек, я передам вашу... ваше пожелание тому, кто это может определить: помогать вам в вашей вендетте или нет.

– Да, я прошу вас сделать это, – кивнул Соколов.

– Так и быть, я это сделаю. А теперь поспешите обратно в палату, скоро будут разносить ужин.

– А когда я могу надеяться получить ответ?

– Думаю что скоро. Утром, точно тебя известят о принятом решении.

– Спасибо.

Адам вернулся в свою палату. К счастью Жиркевича, этого неприятного человека, зачем-то называющего его Буратино недавно выписали. В своем нынешнем состоянии он вряд ли бы стал так долго терпеть его насмешки и полез бы в дра-

ку, а это академиками мягко говоря не поощрялось.

Адам лег на кровать и принялся ждать решения по своему вопросу.

«А с другой стороны, чем они могут мне помочь? – подумал он. – Только как-то снарядить, дать оружие, вот и вся помощь».

Но если они помогут хотя бы так, это дорогого стоит. Оружие где попало не валяется. Если у него не будет чего-нибудь дальнобойного и огнестрельного придется идти на ненавистного императора по сути с голыми руками с каким-нибудь ножом, а то и вовсе с осколком стекла.

«А ведь у него наверняка хорошая охрана, – совсем приуныл Соколов, начиная понимать что просто так до врага не добаться. – Все тираны обзаводятся хорошей охраной и сквозь нее еще надо будет пробиться, что если вдуматься не представляется возможным. Не говоря уже о том, что вряд ли его просто так пустят на станцию-резиденцию не перетряхнув с ног до головы и не забрав все опасные предметы. Ведь даже на нашей Новогодней у всех прибывающих забирали оружие в камеру хранения».

Да, решиться на месть легко, но сколько же препятствий возникает на пути, стоит только задуматься над задачей более подробно. Тут без серьезной помощи академиков действительно не обойтись. Но согласятся ли они помочь?

Потянулись минуты и часы томительного ожидания. Адам и не предполагал, что ждать так трудно. Одно дело лежать

просто без цели даже не замечая как пролетает время и другое дело ждать чего-то что может изменить твою жизнь. Подобное ожидание просто выедало душу. Лишь рассказы других пациентов как-то отвлекали, сглаживая это крайне неприятное ощущение.

– А кто-нибудь слышал про Черного Оборотня? – в продолжение как-то разговора, который Адам пропустил, произнес один из новеньких пациентов.

– Это что еще за хрень?

– Говорят, это он похищает людей и не важно, одинокий ли это путник или же целая хорошо вооруженная группа.

– Да мало ли что брешут...

– Кто знает? Пожал плевами рассказчик.

– Ну и как это происходит?

– Говорят, что Черный Оборотень идет следом за своей жертвой, а потом, уловив подходящий момент нападает. Да не просто, а как-то воздействуя на людей, делая их безвольными, почти сводя с ума. Хватает кого выбрал и уходит.

Адам прислушался к истории, потому что именно так пропал его отец.

– А с чего решили что это какой-то оборотень?

– Дык говорят после очередной такой пропажи, следы нашли в тоннеле. Сначала звериные были, а потом постепенно в человеческие превратились.

– Брехня, – уверенно заявил другой пациент, пренебрежительно махнув рукой. – Я бы еще поверил если бы это ка-

кой-нибудь мутант был с умением воздействовать на психику, мутанты они и есть мутанты, но чтобы превращения...

– Почему?

– Да потому. Это же постоянные изменения в костной ткани, деформация, я уже не говорю о мышцах и прочих тканях. Кто-то просто посмотрелся соответствующих фильмов. Вот вампиры это другое дело...

– Вампиры?!

– Ага. Говорят на где-то Кировской линии целая станция вампиров... Только тут тоже нет ничего сверхъестественного. Просто больные люди, что-то там у них с собственной кровью, не то гемофилия, не то еще как-то, что совсем удивительно при облучении, мутациях и прочих прелестях, вот им и необходимо пить чужую. А чтобы их убить, не нужно никакого серебра, крестов и чеснока со святой водой. Просто пулю в лоб и все дела.

Адам обнаружил, что стоит на путях в темном коридоре, абсолютно один. Осознав это, он быстро с тревогой обернулся, осветив тоннель невесть откуда взявшимся в руке фонариком.

Его охватила паника. Темнота сгущалась, начиная давить со всех сторон, даже фонарик не мог ее уже разогнать.

– Иди... – прозвучал смутно знакомый голос. – Уходи... Уходи...

– Уходить? Идти? Куда?! Зачем?! – спрашивал Соколов в панике, крутясь на месте как волчок.

– Не важно... Уходи... Иди...

– Кто ты?! Кто говорит?!

В темноте материализовалась фигура. Она сделала шаг навстречу Адаму и он вскрикнул от неожиданности.

– Не надо бояться меня сынок... Это же я, твой отец...

– Но ты... ты...

– Умер? В каком-то смысле так оно и есть...

– Что это значит? Человек либо умирает, либо...

– Либо живет...

– Значит ты жив?!

– В каком то смысле можно и так сказать... Такое иногда случается с людьми... Они ни живы и не мертвы, они – существуют.

– Я ничего не понимаю...

– И не нужно. Иди...

– Но что с тобой случилось?

– Придет время и ты узнаешь... Возможно мы еще увидимся с тобой...

– Когда я умру?.. – судорожно сглотнул Адам.

– Не обязательно... Возможно даже наяву...

– Спаси меня Адам!

Соколов резко развернулся, на новый голос. Из темноты материализовывалась новая фигура.

– Мальвина?!

– Спаси меня Адам! – протянула она к нему руки, и он невольно отшатнулся.

– Спаси ее Адам... – вторил отец. – Ее еще можно спасти.

– Спасти? Как я ее могу спасти?! Она же умерла!

– В каком-то смысле это так... А в каком-то не совсем так...

Адам Соколов с силой сжал ладонями виски.

– Я ничего не понимаю!!! Оставьте меня!

– Спаси меня Адам!

– Спаси ее Адам... и уходи...

Призраки закружили вокруг него, продолжая взывать о помощи. Не выдержав, он бросился по темному тоннелю прочь от призраков отца и любимой.

«Странно, что матери среди них не было», – подумал он на бегу.

Впереди появился свет и Адам запыхавшись выбежал на какую-то станцию. Оглядевшись, он сразу понял куда попал. Да и как не понять если всюду ходят солдаты со знакомы флажком Империи Доватор на рукаве. А вот и сам император на золоченом троне. Золотая корона на голове, в одной руке скипетр, в другой – держава, сам в зеленом френче, а на плечах меховая мантия.

Адам почувствовал как его всего начало корежить. Посмотрев на свои руки он увидел что они превращаются в лапы зверя, выросла густая шерсть, из под ногтей вылезли огромные когти.

Тут же перед тронем с императором и Адамом образовался строй из солдат, направивших на него свои автоматы. Но Адаму было на это наплевать и он рванул к ненавистному врагу. Солдаты стали стрелять и пули прошивали его насквозь, но это не могло нанести ему урона, и он продолжал бег.

Вломившись в ряды врагов он с рычанием стал отбрасывать их мощными ударами лап, рвать на куски, отрывая головы, ломая хребты и вырывая сердца раздавливая их между пальцами как комок грязи.

И вот он император. Адам схватил его своими волосатыми и когтистыми лапами и поднял высоко в воздух.

– Я убью тебя!!!

– Дурак, – сказал император и засмеялся.

Взяв своими руками руки Адама, он с легкостью оторвал

их от своей шеи.

Соколов зарычал от досады. Зарычал и император, открыв пасть с двумя большими клыками, и попытался дотянуться ими до шеи Адама.

Адам вскрикнул и проснулся, обнаружив себя в знакомой палате сидящим на койке всего в холодном поту. Сердце бешено билось, готовое выскочить из груди.

– Эй парень, ты чего? Кошмар приснился?

– Да... – прохрипел он в ответ чувствуя как пульсируют рубцы на спине и от них по всему телу исходят волны жара.

В голове шумело, в глазах мелькали странные блики, создавалось впечатление, что кто-то часто включает и выключает в палате свет. Но постепенно все вернулось в норму, и он обессиленный рухнул обратно на кровать.

– Бывает...

«Больше не буду слушать никаких ужастиков на ночь глядя, – зарекся он. –оборотни, вампиры, призраки... Но почему не было матери? Она же тоже умерла, я это собственными глазами видел... Или все дело в том что я не видел умершими отца и Мальвину?»

Утром Адам чувствовал себя разбитым. Болела голова, в глазах немного мутилось, в висках с шумом пульсировала кровь и приходилось сжимать их с силой руками, как во сне который он к слову сказать помнил до мельчайших подробностей, чтобы унять немного тупую боль. Раньше с ним ничего подобного не случалось, и он не знал, на что списать

такое свое тяжелое состояние.

«Может, я заболел? – подумал он с легкой тревогой, ведь это может помешать достижения его Цели. – Заражение крови или еще чего похуже...»

– Адам Соколов? – спросил вошедший в палату милиционер.

– Да... это я.

– Пройдемте со мной.

– Эй! Он вроде ничего не натворил! – попытался за него заступиться Виктор, тот самый что пострадал во время нашествия на его станцию матировавших медведей, с самого начала взявшего его под свою опеку.

– Все нормально дядя Виктор, – быстро сказал Адам, чувствуя что милиционер готов сказать что-то резкое.

– Ну ладно...

– Куда мы? – спросил Адам, когда они отошли от палаты, и никто не мог их слышать.

– Тебя хочет видеть министр безопасности Академгорода. Зачем – не знаю.

«Я знаю», – подумал ведомый, повеселев.

Провожатый, провел Адама на верхний уровень бомбоубежища и остановившись перед дверью без надписей, сказал:

– Заходи.

Адам вошел без стука. Зачем стучать если его и так ждут? Комната оказалась почти пустой, голые обшарпанные сте-

ны, металлический стеллаж с какими-то коробками, только лишь за массивным деревянным столом восседал крупный мужчина лет пятидесяти в сером костюме.

Видать какая-то подсобка, приспособленная для встречи со мной», – подумал Адам.

– Адам Соколов?

– Да, это я.

– А я – министр безопасности Академгорода Борис Гладыш. Догадываешься зачем позвали?

– Конечно, – кивнул Адам. – Сказать сможете ли вы мне или нет.

– И как ты думаешь, что я отвечу?

– Скорее всего «да», – неожиданно для себя и кажется даже для министра уверенно ответил Адам. – Чтобы сказать «нет» меня для этого сюда вести не требовалось. Поставили бы перед фактом отказа и все.

– Верно. Присядь.

Соколов сел на предложенный стул, а Борис Гладыш наоборот встал и заложил руки за спину. Пройдясь от стены к стене, он продолжил:

– Ты прав, мы поможем тебе в твоём... праведном стремлении. Но что ты будешь делать дальше?

– Не знаю... – честно признался Адам, вновь осознав, что дальше своей мести он не заглядывал. – Я ещё должен все сделать и при этом выжить.

– Допустим, сделал и даже выжил, оставшись на свободе.

Что дальше?

Адам пожал плечами.

– Видимо вы мне что-то хотите посоветовать?

– Верно... – с усмешкой кивнул министр безопасности. –

Хотим.

– Что же?

– Чтобы ты не останавливался на одной цели.

– То есть?! – изумился Адам.

– То есть мы хотим чтобы ты продолжил свою деятельность по отстрелу всяческих тварей в человеческом обличе вроде того же Александра Краснова возомнившего себя императором, что ты так хочешь убить во имя мести. Их ведь много в подземелье и они все спят и видят, чтобы подкопиться сил и начать передел власти в Метро для еще большего усиления, увеличения ресурсов и еще большей власти. Согласен?

Адам от такого предложения немного опешил. Уж чего-чего, а подобного он точно не ожидал.

– Не волнуйся, – продолжил министр безопасности. – Мы подучим тебя, оснастим всем необходимым...

– Я согласен. Просто я думал, что Академгород не примет насилия...

– Этот так. Мы стараемся избегать силовых столкновений и соблюдаем нейтралитет, но похоже эта стратегия потихоньку изживает себя. Сидеть сложа руки, это тоже самое что копать себе могилу. Рано или поздно, кто-то усилится так, да

взять тех же довавторцев, что решит, что они могут все, сильнее их никого нет и напасть на Академгород. Мы конечно сильны, но кто знает, будет ли нам судьба благодетельствовать вечно? А это будет катастрофа. Ты понимаешь это?

– Да.

– Тот кто придет к власти вряд ли сможет управлять нашим союзом эффективно. В конце концов одного тирана сместит другой. Как это обычно бывает и как следствие Империя, а вместе с ней и Академгород распадется на отдельные станции, начнутся внутренние конфликты и вся научная и техническая база будет утеряна для всего Метро.

– Я понимаю и согласен, – снова повторил Адам Соколов. – Я сделаю все от меня зависящее, чтобы никто никогда не смог покуситься на Академгород и захватить его так же как это случилось с моим домом.

– Хорошо, молодой человек, – улыбнулся Борис Гладыш и похлопал Адама по плечу. – Я очень рад что ты согласился. И хоть ты сейчас об этом не думаешь, но твоя работа на благо Академгорода, а значит и всех людей Метро не останется без должного вознаграждения.

– Спасибо...

Обучение началось неделю спустя. К удивлению Адама с ним рядом за одним столом, классе – небольшой комнатке отведенной под теоретические занятия, расположился парень, едва ли старше его самого. Такой же хмурый и не улыбающийся.

Инструктор, человек лет пятидесяти с сединой волосах, жестким волевым и умным лицом, сказал:

– Вы будете работать в паре.

Адам удивился, что ясно отразилось на его лице.

– Так нужно, – сказал инструктор. – Если хочешь, это требование безопасности. Пройти по подземелью в одиночку просто невозможно. Даже вдвоем вам придется очень туго. В одиночку могут пройти исключительно психи, потому что их ничто не берет. Вы никогда не путешествовали по Метро и не знаете что это такое, какие реально опасности вас будут поджидать, объяснимые и не очень... Ходить с другими группами также небезопасно в первую очередь из-за самих попутчиков и что важнее – слишком долго, а в вашей работе скорость передвижения тоже важна. Во время обучения мы познакомим вас с большинством из данных опасностей и поверьте, иногда без поддержки товарища по иным тоннелям не пройти. Я не говорю уже о поверхности, где одному ходить также не рекомендуется, а попутчиков там и подавно

нет...

– Мы будем выходить на поверхность? – удивился его товарищ.

– Вполне возможно. По тоннелям не всегда можно пройти даже большой группой. Причины могут быть разными, начиная от самых обыденных: завал, потоп, просто из-за сложной политической ситуации на отдельных станциях ну и... всякое может случиться.

Кадеты понятливо кивнули. Слухи о том что «всякое может случиться» и без того кишмя кишат по Метро. Неизвестно что из этого правда, что гипертрофировано преувеличено, а что вовсе высосано из пальца. Но как известно, дыма без огня не бывает и что-то действительно происходит что не поддается логическому объяснению, какая-то чертовщина, от которой лучше держаться как можно дальше.

– Но задерживаться наверху дольше, чем это необходимо, понятное дело не стоит. Там своей гадости хватает, но как ее избегать или бороться если уж избежать встречи не удалось, мы тоже вам расскажем и закрепим на практике.

Адам невольно повеселел. Ему как и всякому, особенно уже родившемуся под землей, иногда нестерпимо хотелось хоть одним глазком посмотреть, а как же там наверху?

– Кроме того, вам просто по работе придется прикрывать друг друга, – продолжил инструктор. – Это только в кино и книжках герой-одиночка может расколошматить всех своих врагов одной левой без последствий для себя, уклоняясь

от пуль будто это камешки брошенные с малой силой, а если кровопускание произошло, то исключительно по глупой случайности и несерьезное. В реальности же требуется хоть какое-то прикрытие, потому что любая случайность в девяносто девяти процентах станет для вас смертельной. Это вам ясно?

Кадеты снова кивнули.

– Тогда знакомьтесь, Адам это Олег, Олег это Адам.

Будущие напарники пожали друг другу руки.

– А вас как звать? – спросил Соколов.

– Леонид Гаврилович Бурцев.

«Интересно, это его настоящее имя, или он его себе только что придумал?» – подумал Адам, сам удивившись этой мысли.

– Отлично, все со всеми познакомились, тогда начнем наше первое занятие.

Инструктор, достав из принесенного собой кофра плакат, сделанного из большого листа пожелтевшего ватмана и развернул его. Кадеты увидели изображение каких-то грибов.

– Что это, товарищ инструктор? – спросил Олег. – У нас в оранжерее такие не растут...

– Это грузди... – вздохнул Леонид Бурцев с явственно слышимой грустью. – Раньше они росли в лесах. Вкусные... были.

– А сейчас не растут?

– Ну почему же не растут? Очень даже растут, – усмех-

нулся инструктор. – Еще как растут! Так растут, что по пояс вымахивают. Вот только есть я бы их не стал ни под каким предлогом. Грибы вообще любят всякую дрянь в себя впитывать, а радиацию они так вообще похоже за удобрение считают. Ну ладно, мы отвлеклись...

Инструктор Бурцев перевернул плакат с изображением грибов и повесил его на крючок вбитый в стену. На его обратной стороне, оказалось, от руки нарисованное изображение линий Новосибирского метрополитена. Общую схему метро знал каждый житель подземелья, потому что она не такая уж и большая, не московская ведь с чертовой уйма станций, но на этом рисунке имелись дополнения в виде линий отмечающих самостоятельно прорытых ходов между станциями. Их оказалось на удивление много. Они сплетались в какую-то сеть. Паучью сеть.

– У вас при себе всегда будет небольшая копия, но лучше всю схему запомнить. Копия в конце концов может быть утеряна, уничтожена и даже... отобрана. Так что начали.

Запомнить все ходы оказалось делом непростым, тем более что приходилось запоминать все пути, даже те что уже вышли из употребления в силу разных причин: ходы как уже известно могло затопить, обвалиться, их могли сознательно перекрыть из-за того что тоннели обжили какие-то особенно агрессивные мутанты от которых нет спасения и извести их не представляется возможным.

– Но зачем нам их запоминать? – спросил Адам.

– На всякий случай. В крайнем случае в них можно спрятаться на короткое время.

Для лучшего запоминания каждый после занятия рисовал свою схему Метро. Поначалу получалось не очень, более того, не всегда все станции оказывались на схеме, но постепенно, день за днем, результаты становились лучше. А к концу так и вовсе Адам мог без запинки сказать какая ветка дополнительных путей сообщения куда идет если разбудить его посреди ночи.

Параллельно с изучением и запоминанием ходов и тоннелей метро кадеты изучали и овладевали различные приборы необходимые для выживания как под землей так и на поверхности. Впрочем таковых при всем желании много не наберешь, так обыкновенные индивидуальные дозиметры, рентгенометры. Также усваивали содержание аптечки, что в какой последовательности и дозах следует глотать, колоть если попал в зону заражения и тут уже не важно, по глупости или тебя накрыло облаком принесенного внезапным порывом ветра, что иногда случается на поверхности.

– И мы все это будем таскать с собой? – поинтересовался Адам.

– Да. Каждый при себе будет иметь один такой комплект. И молитесь, чтобы вам ни разу не пришлось всем этим воспользоваться, потому как скажу по секрету, помогает эта херня мало, особенно после стольких лет хранения, когда уже все сроки годности вышли по нескольку раз.

– Ясно.

Теперь стала понятна причина такой щедрости. Это просто уже никому не нужный хлам и хранят его и используют постольку поскольку ничего лучшего все равно нет.

– Не вешайте носы, – усмехнулся инструктор. – В наших лабораториях конечно над этим поколдовали и восстанови-

ли препараты насколько это было возможно, просто хочу вам сказать, чтобы вы были предельно внимательны и особо на аптечку не надеялись, то есть зазря не рисковали.

Потом пришло время изучать вооружение, которым им предстояло пользоваться в своей секретной работе. Хотя тут ничего такого не было, обычные АК калибра 5,45. С этим оружием разобрались довольно быстро. Кадетам даже дали пострелять.

– Из них скрытно не поработаешь, – сказал Олег. – Он же нас выдаст с потрохами не говоря уже о том что на большинстве станций стволы забирают.

Инструктор посмеялся, сказав.

– А вы с помощью них не работайте по объекту. Это оружие самозащиты. По клиентам будете работать специальным оружием, что вам будет передаваться посредством тайников. С собой согласитесь киллерское оружие постоянно таскать, а значит и светить на каждой станции негоже.

– В фильмах обычно оружие сбрасывают. А нам как поступать? – спросил Олег.

– Лучше возвращать в тайник или другое условное место. Оружие – палка о двух концах, ему без разницы в чьих руках и в кого стрелять.

– Ясно.

Помимо всего прочего кадеты занимались физической подготовкой, повышая выносливость, наращивая мускулатуру. После месяца занятий в небольшом тренажерном зале

на различных снарядах, тягая штанги, отжимаясь, подтягиваясь, укрепляя пресс Адам сам себя не узнавал. Из тощего юноши он превращался в крепкого телом парня. Мускулатура росла что называется не по дням, а по часам. Правда по настоянию инструктора приходилось литрами пить какое-то противное на вкус пойло...

– Что это такое Леонид Гаврилович? – в который раз подавив в себе тошноту, не без брезгливости спросил Соколов.

– Не важно... Кое-какие препараты от наших ученых. Увы, но без этого вам не обойтись, загнетесь в один момент, – ответил инструктор. – Посмотрите на себя, вы же больше на вытянутые ростки похожи. Глисты с руками. А вам нужна сила, много силы, хотя бы для того чтобы выдержать настоящие тренировки.

Для чего им нужно так много силы они прочувствовали очень скоро, когда начались тренировки по рукопашному бою. Дохлякам, какими они были раньше действительно в борьбе не продержаться и десятка секунд.

Бурцев показывал им как убивать одним ударом. Правда тут не всегда нужна сила, только если нужно проломить череп, сломать кости. В большей степени требовалась точность, ткнуть пальцем по одной точке в районе шеи и все, противник выключался, вдавишь другую – умирал.

Инструктор демонстрировал эти точки на своих подопечных и после, в общем-то несильного прикосновения, они отходили долгими часами не в силах побороть головокруже-

ние, восстанавливая дыхание и унимая боль в почках, не без помощи учителя. К счастью инструктор нажатиями на точки мог не только убивать, но и лечить.

Но и сила все же нужна. Ведь до этих точек в открытом столкновении, если не получится сблизиться на расстояние удара незаметно, еще нужно добраться. Нужно сломать грубой силой барьер, а уже потом пускать в ход тонкое оружие.

Леонид Бурцев в многочасовых занятиях превращал своих подопечных в отбивные, так что на теле не было живого места, но это давало свои плоды и к концу первого месяца тренировок-спаррингов они вдвоем могли простоять против своего учителя аж целую минуту...

– Подъем! – разбудил кадетов инструктор. – У вас тридцать минут, чтобы подготовиться к выходу на поверхность.

– Мы идем на поверхность?! – изумленно и радостно воскликнул Олег.

– Я же сказал.

Адам уже знал что его напарник тоже никогда не видел во внешней среде и был благодарен инструктору за то что дал так много времени на подготовку. Возбуждение от предстоящего выхода плохо сказывалось на координации движений, все валилось из рук. Шутка ли, Адам даже не сразу смог попасть ногой в нужную штанину!

Они ждали этого выхода, ведь им сразу сказали что они пойдут наверх для ознакомления с внешним миром, но все равно весть получилась неожиданной.

Кроме проведения простой своеобразной туристической экскурсии им предстояло на месте своими глазами узнать и запомнить все ориентиры внешних тайных входов в подземелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.